

Виктор Хорошулин Валерий Сергеев ДУХ АЛЬБЕРТИНЫ И ТАЙНА ДРЕВНЕЙ КНИГИ

В поисках «средства Макропулоса» или размышления по прочтении повести-трилогии Валерия Сергеева и Виктора Хорошулина «Дух Альбертины и тайна старинной книги»

Уважаемый читатель! Перед Вами захватывающая авантурная повесть-трилогия опытного врача Валерия Сергеева и кандидата технических наук, инженера Виктора Хорошулина. Жанр повести — научно-фантастическое произведение с элементами мистики. Тема — поиск эликсира жизни и долголетия. Повесть написана высокообразованными и весьма эрудированными людьми, хорошо знающими «натуру». Оба автора еще совсем недавно были кадровыми офицерами, много повидали и пережили за годы военной службы.

Сама тема поиска эликсира жизни и долголетия не нова. Вспомним, пьесу-утопию,

грандиозную философскую пентологию «Назад к Мафусаилу» Бернарда Шоу, действия которой охватывают многие десятки веков. Или знаменитую пьесу Карела Чапека «Средство Макропулоса»; или философские трактаты нашего знаменитого соотечественника, лауреата Нобелевской премии Ильи Ильича Мечникова «Этюды о природе человека» и «Этюды оптимизма», а также работы знаменитого хирурга и кибернетика академика Николая Михайловича Амосова. Эта тема весьма спекулятивна и плодотворна, позволяет делать различные художественные интерпретации. Каждое произведение или исследование, посвященное данному вопросу — некий опыт художественного, философского, научного и этического исследования проблемы. И Бернард Шоу, и Карел Чапек, и другие мыслители ломали голову над проблемой долголетия и сопряженными с ней психологическими и социальными проблемами.

В повести-трилогии тоже есть попытка художественного исследования указанной проблемы. И эта попытка, безусловно, удалась. Не считаю для себя возможным пересказывать сюжет повести, чтобы еще больше заинтриговать читателя, скажу лишь, что эта книга о средневековых и современных врачах, ученых, новых медицинских реалиях, наконец, о дружбе. Она несет определенный гуманистический заряд, от нее веет

оптимизмом и верой, что все, в конце концов, образуется: добро победит, а зло будет наказано.

Не берусь судить о сугубо художественных нюансах произведения — это дело литературных критиков, однако, обещаю что, приступив к чтению, окунувшись в поток увлекательных и мистических событий, Вы не сможете оторваться, пока не перевернете последнюю страницу. И я уверен, что никто из Вас не пожалеет о времени, проведенном с такой книгой!

Поиски эликсира долголетия продолжаются и сейчас очень серьезными учеными, например, академиком РАН Владимиром Скулачевым и Ко. Они разработали глазные капли SkQ1, замедляющие старение. Изучен механизм старения на генетическом уровне. Гипотеза российского ученого Алексея Оловникова, утверждающая, что первопричина старения заключается в укорочении редумер как перихромосомных «линий» биологического времени, высказанная еще в 70-е годы, была блестяще подтверждена западными учеными. За эту работу им дали Нобелевскую премию, наш же исследователь оказался «не при делах». Увы! Такова судьба многих русских ученых: еще одна наша Нобелевская премия «уплыла» за рубеж.

В процессе «освоения» повести-трилогии я почувствовал потребность вновь перечитать пьесы

Карела Чапека и Бернарда Шоу, книгу В. Скулачева и соавт. «Жизнь без старости», работы И. И. Мечникова, трактат доктора медицины Адольфа фон Гергарда «Практическое руководство к гомеопатической медицине», забытую книгу Петра Юльевича Шмидта «Анабиоз», забытую монографию Герасима Андреевича Югая «Общая теория жизни», материалы по крионике и трансгуманизму. Вспомнил знаменитый трактат Николая Федоровича Федорова «Философия общего дела», труды Владимира Ивановича Вернадского и Александра Леонидовича Чижевского, Елены Ивановны Рерих, Ивана Антоновича Ефремова, Станислава Лема. Так что чтение повести и ее осмысление потребовало определенного времени.

Возможно ли синтезировать «средство Макропулоса»? Однозначного ответа у меня нет. Проблема остается открытой... Слишком много еще предстоит узнать о природе жизни и самом человеке, пристальнее взглянуть на антропный принцип в свете новых данных о Вселенной, полученных с орбитального телескопа Хаббл.

Для меня обозначенная тема, в определенном смысле, интересна, так как некоторые аспекты вмешательства в процессы регуляции продолжительности жизни затрагиваются в моей главной работе, в частности, решение проблемы

анабиоза человека путем психофизиологического вмешательства в систему регуляции кровообращения, воспроизведение состояния «саматхи», описываемое в йогических трактатах. Это пока только гипотетическая возможность вводить человека в состояние анабиоза без применения фармакологических препаратов, крионирования, замещения воды в тканях и т. д. Для будущих полетов к звездам, да и к окраинам Солнечной системы такие методики будут чрезвычайно актуальны. Но пока все эти идеи тоже из области фантастики.

Один из авторов повести-трилогии (Валерий Сергеев) вырос и получил образование в Смоленске — на родине знаменитых фантастов Александра Романовича Беляева и Айзека Азимова. Это, согласитесь, ко многому обязывает... Как и то, что большую часть своей жизни оба автора провели в удивительном Янтарном крае, городе философа Иммануила Канта, мистика Эрнста Теодора Амадея Гофмана и писателя-мечтателя, популяризатора современной науки и космической фантастики Сергея Александровича Снегова — в замечательном Калининграде (бывшем Кёнигсберге).

Прежде авторы работали преимущественно над «малыми» литературными формами. Настоящая книга — это дебют в «большой» прозе. И он, на мой

взгляд, удался. Это важный опыт в «заточке пера». Думаю, будут и другие не менее увлекательные повести и романы. До новых встреч!

*Профессор Смоленской государственной
медицинской Академии, доктор медицинских наук*
В. А. ГЛОТОВ

Книга 1. ЭНЕРГИЯ ЖИЗНИ

Пролог

«Сего дня, 30 августа 1724 года от Рождества Христова, я, профессор медицины Иоганн Майбах, с благословения Господа нашего и Пресвятой Девы Марии, начинаю своё повествование, обращённое к потомкам, дабы поделиться с ними своими знаниями и богатым врачебным опытом.

Господь свидетель, что я лечил людей честно и бескорыстно, и единственное, в чём до конца своих дней буду упрекать себя, так это в предательстве моего верного друга и мудрого учителя, профессора Вильгельма Пильца. Но, видит Всемогущий и Всемилостивейший Господь, случилось это под давлением жестоких обстоятельств.

И сам Пилец, и другие мои наставники держали свои обширные знания исключительно в голове, не доверяя их бумаге. Я до сих пор

поражаю, какая неисчерпаемая кладёшь медицинских знаний осталась сокрытой от потомков и сколько практической пользы они могли бы извлечь из них! Поэтому я решил взяться за перо и надеюсь на Господа, что мои труды не будут напрасными...»

Старик отложил в сторону остро очиненное гусиное перо и тяжело вздохнул. Пламя свечи беспокойно заколыхалось. По стенам тесной комнаты забегали светлые блики и причудливые тени. «Всё, как в нашей жизни», — подумал старик, поднимаясь из-за стола. Ему вдруг стало тяжело от нахлынувших воспоминаний, он отворил дверь и вышел на улицу.

Вечерело, на небе появились первые звёзды. Ветра почти не ощущалось. Из глубины улицы доносились чьи-то невнятные голоса. Похоже, очередные гуляки возвращались из кабачка «Весёлый угорь», расположенного в сотне шагов от дома старого врача.

Слева светилась огнями величественная громада Замка, в котором по древнему обычаю останавливались прусские короли, прибывающие для вступления на престол и принятия присяги. По звукам, доносящимся оттуда, Майбах понял, что происходит смена караулов, в обязанности которых, кроме охраны покоев, входило и наблюдение с высоких башен за всем городом. В

случае пожара караульные трубили тревогу, а чтобы жители знали, куда спешить на помощь, наклоняли в ту сторону развевающийся штандарт, или в ночное время вывешивали шест с большим и ярким фонарем.

Нынешний вечер был тих и спокоен. Внизу малиновой полоской догорало в водах Прегеля заходящее солнце. Острые пики корабельных мачт мирно дремали у речного берега.

Старик достал трубку и чиркнул огнивом: ноздри защекотал ароматный дымок крепкого заморского табака. Майбах любил свой Альтштадт, любил города-побратимы: Кнайпхоф и Лёбенихте, которые в августе по указу короля Фридриха Вильгельма I, прозванного Королём-солдатом, объединились в один, с общим названием Кёнигсберг. По этому поводу до сих пор не затихало разгульное празднование: рыбаки и ремесленники продолжали отмечать это событие в многочисленных винных погребках. Особенно радовался Кнайпхоф: ведь это из его стен вышел первый бургомистр Кёнигсберга.

Старый врач невольно усмехнулся, поскольку хорошо знал Захариуса Хессе, долговязого педанта, в прошлом бургомистра Острова. Ибо Кнайпхоф — это и есть остров, образованный разделением Прегеля на два русла. Хессе, известный юрист, страдал катаром желудка, и Иоганн Майбах

довольно успешно лечил его настоями целебных трав. Но бургомистр был страстным курильщиком и именно это, по мнению профессора, мешало полному выздоровлению главы Кёнигсберга.

Возвращаться в дом старому врачу не хотелось. Он с охоткой покуривал трубку, вслушиваясь в городские звуки. Вот процокали копыта — в Королевский замок спешила карета, вот послышалась перебранка со звоном оружия: у самой реки кого-то задержала городская стража. А вот внутри дома хлопнула дверь — это жена Майбаха, заботливая Лизхен, спускалась вниз за своим беспокойным супругом.

Часть 1. Профессор Альбертины

Глава 1. Кёнигсбергский университет

«...С Божьей помощью, получив отцовское благословение, я, шестнадцати лет от роду, стал студентом Кёнигсбергского университета. Мой отец, Гюнтер Майбах, настаивал на этом: «Многие молодые люди получают образование и становятся уважаемыми, зажиточными бюргерами, — говорил он. — Мы с матерью надрываем спину и выбиваемся из сил для того, чтобы сделать из тебя добропорядочного человека. Запомни, если ты не станешь

студентом, то пойдёшь в солдаты. А нам бы не хотелось, чтобы ты вспарывал животы таким же молодым парням, как сам, и в результате оказался погребённым в братской могиле на чужбине».

Мой отец занимался строительством. Он работал каменщиком, и укладывал кирпичи с таким проворством, усердием и мастерством, что многие артели старались переманить его к себе. Наш Альтштадт и его пригороды постоянно росли: строились жилые дома, склады, кирхи, бастионы, тоннели, шлюзы. Хорошему каменщику всегда находилось дело, что позволило моему отцу понемногу откладывать деньги, и теперь я понял, для какой цели...»

— Иоганн, — обратился к сыну ещё не старый, крепкого телосложения мужчина с начинающими седеть волосами. — Мне надо с тобой серьёзно поговорить. — Он пришёл с работы усталый и теперь сидел за столом, держа крепкой, похожей на клешню краба, рукой кружку тёмного пива. Женщина, мать Иоганна, хлопотала у очага, разогревая ужин.

— Выслушай меня, не перебивая. В этом году ты окончил городскую школу, и учитель Клаус Заубер остался весьма высокого мнения о твоих способностях. За семь лет ты освоил латынь и древнегреческий язык, математику, а также

множество историй из Священного писания. Я считаю, этого вполне достаточно, чтобы мой единственный сын продолжил учебу в университете! Не в Альтштадской гимназии, нет! В самой Альбертине! Слава Господу нашему, в Кёнигсберге есть свой университет и тебе не придется ехать куда-нибудь в Гейдельберг! Я скопил достаточно денег, чтобы оплатить твою будущую учёбу...

— Но, отец... — невысокий светловолосый юноша пытался возразить, только Гюнтер не стал слушать сына.

— Я знаю, что твоя мечта — морские путешествия и жизнь, полная приключений. Ты хочешь стоять за штурвалом корабля и глазеть на диковинные страны. Что ж, и эта мечта вполне осуществима... Дай же мне договорить! Сядь за стол... Эльза! Принеси нам пива... — и, уже немного успокоившись, отец произнёс: — Лучше пиво, чем вино «трёх людей» ¹.

— Посмотри на эти руки, — продолжал Гюнтер, когда его жена поставили на стол две глиняные кружки. — Погляди внимательно на моё лицо... Оно обветрено и обожжено солнцем, поскольку моя работа, и в летний зной, и в осенний дождь, и в зимнюю стужу проходит под открытым

небом. А руки мои привычны лишь к кирпичу и мастерку... Видишь, как неловко я держу даже ручку этой кружки!..

Иоганн молчал. Он чувствовал, что отцу в этот момент лучше не перечить.

— Помоги мне очистить яйцо, Иоганн... Эй, Эльза, подавай ужин!

Некоторое время они ели тушёные кабачки, запивая их пивом. Во время еды никто не проронил ни слова.

— Я нашёл сведущих людей и навёл справки. Ты получишь хорошую специальность и выбьешься в люди. Но придется долго и терпеливо учиться, Иоганн! Я не думаю, что нас заинтересовала бы теология. Это — наука для бездельников в сутане! То же самое я скажу про философию. Если у тебя достаточно монет, пожалуйста, философствуй себе в удовольствие! Юриспруденция... Это — очень почетно, но туда тяжело попасть... Но уж медицина — это то, что нам надо! Ты будешь врачом! Помни, что любой король, когда ему занедужится, зовёт в первую очередь врача! Только потом к нему приходит священник, и то, если врач не сумел сделать своё дело... Незадолго до твоего рождения закончилась очень жестокая война. Меня едва не убило пушечным ядром, сынок... Но будут ещё войны! Снова станет литься кровь и ядра продолжают отрывать руки, ноги, головы... А кто-то

ведь должен помогать раненым? Это — святое дело, Иоганн. Потом война закончится, и что дальше? Люди повсеместно болеют. Тяжело, страшно... Их вновь придется кому-то лечить. Пойми, сын, в наше время врач никогда не окажется без работы. А если он ещё и толковый врач, то озолотит и себя, и своих потомков. Герцогов и королей люди быстро забудут, а вот великого врача будут помнить. Поэтому не спорь, а лучше поклянись, что будешь прилежно осваивать медицинскую науку и не подведёшь старого Гюнтера Майбаха! — он с надеждой посмотрел на сына. — А захочешь, впоследствии устроишься судебным врачом...

Иоганн не нашёл слов для возражения. Он был чрезвычайно благодарен отцу, человеку тяжёлого нрава и обычно немногословному, иногда даже злому и ворчливому, но вдруг проявившему такие искренние и добрые чувства к сыну! Они с матерью, как оказалось, давно готовились к этому разговору, и долгое время копили деньги на его обучение, во многом отказывая себе.

— Спасибо, отец. Спасибо, мама... Я постараюсь оправдать ваши надежды.

— Да поможет тебе Господь...

Так решила дальнейшая судьба Иоганна Майбаха. С юных лет он действительно мечтал о морских путешествиях, мысленно бороздил воды

южных и северных морей, открывал новые земли, входил на своём корабле в порты Гамбурга, Лондона, Лиссабона, намеревался достичь берегов Нового Света. Но судьба распорядилась иначе: отец желал видеть своего сына непременно образованным человеком, что было весьма характерно для того времени. Юноша чувствовал его правоту и испытывал глубокую благодарность за столь искреннее участие и важную поддержку.

В 1544 году в Кёнигсберге учредили свой университет. Он был обустроен по образцу существующих в ту пору германских университетов. Молодёжь XVII-го века охотно шла в них приобретать новые знания и осваивать достойные профессии. И вот, кёнигсбергский храм науки распахнул свои двери сыну каменщика. Что ждёт его за этими дверьми, известно одному лишь Богу...

Кёнигсберг, величавая столица Восточной Пруссии, долгое время был форпостом тевтонских рыцарей, откуда они совершали свои грабительские набеги на Польшу и Литву. Сама Пруссия, обильно политая кровью в многочисленных захватнических войнах, совсем недавно обрела независимость. Впрочем, и о ней самой, и о Кёнигсберге стоит рассказать немного подробнее.

Ох, уж эта Пруссия, бывшая страной-вассалом, и ставшая самостоятельным государством с сильнейшей в Европе армией! А всё началось с них — с тевтонцев, и их воинственных потомков. Одно время Пруссия считалась территорией Польши и тогда, для подавления свободолюбивых вассалов, были приглашены рыцари Ордена. Они ответили на призыв польского князя Конрада I Мазовецкого и, с поистине тевтонской беспощадностью, приступили к истреблению племен пруссов. Полвека ушло на безжалостные войны в этих краях. Пруссов покорили. Вот тут бы тевтонцам и уйти восвояси!.. Но нет, они начали расширять «свои» владения, отхватывая у соседей один кусок земли за другим. И вновь ржали кони, свистели стрелы, звенела сталь...

В 1525 году Пруссия стала светским герцогством. Орденские земли были изъяты из церковной собственности и переданы в гражданское ведение, несмотря на то, что формально они всё ещё принадлежали Польше. Случилось это при Альбрехте Бранденбургском из династии Гогенцоллернов ², великом магистре Тевтонского ордена. Так бывшие рыцари превратились в немецких

помещиков-землевладельцев. Гогенцоллерны, владевшие бранденбургскими землями, пытались объединить их с прусскими, избавившись при этом от опеки польской короны. В конце концов, это им удалось. После шведско-польской войны, в ходе которой Польша потерпела поражение, был подписан указ, в котором Пруссия объявлялась суверенным государством.

А Кёнигсберг жил и процветал. Население города составляли выходцы из германских земель, которые обустроивали главный город Восточной Пруссии с немецким усердием и основательностью. Следует отметить, что горожане не очень охотно поддерживали политику Гогенцоллернов, олицетворяющую собой тевтонские стремления покорять и грабить соседние народы, словом, жить властно и независимо, постоянно держа в руках обнажённый меч. Жители Кёнигсберга даже выступали против воинствующей династии и против отделения Пруссии от Польши. Молодой Гюнтер Майбах сам едва не погиб в ходе этих столкновений, но, слава богу, его не коснулись последствия этого противостояния, и он, как нам известно, занялся вполне мирной профессией, в которой немало преуспел.

Когда у Гюнтера с Эльзой появился первенец, они решили приложить все усилия, чтобы мальчик занял достойное положение в обществе. А для этого

он должен был учиться: сначала в городской школе, чтобы освоить латынь, а затем уже в университете. Гогенцоллерны, хоть и были помешаны на былом величии и доблести тевтонских предков, тем не менее, весьма благоволили к храмам науки и просвещения. Только одно условие необходимо было соблюдать неукоснительно: учёба должна быть оплачена. К счастью, Гюнтер имел работу, платили за неё неплохо, а копить они с женой умели. Иоганн же, с детства худенький, белокурый (как его мать) и невысокий мальчик, весьма успешно постигал те науки, которые ему преподавали в городской школе Альтштадта приезжие учителя и её ректор Клаус Заубер.

Глава 2. В стенах Альбертины

«...В год 1668-й от Рождества Христова я, по воле Господа нашего, впервые вошёл в стены Кёнигсбергского университета. Я до сей поры с благоговением вспоминаю те времена, когда мой ум, словно губка, впитывал самые разносторонние знания, а душа расцветала, ибо каждый день, проведённый в лоне священной Альбертины, был наполнен новыми, необычными событиями, яркими и живыми. Учился я жадно, азартно и весьма успешно...

Горячее желание лечить людей безболезненно, без вмешательства ланцета, а лишь посредством снадобий, мазей и целебных порошков заставило меня искать рецепты чудодейственных лекарств. Я пропадаю в университетской библиотеке, общался с профессорами медицины и со знахарями из предместий Кёнигсберга, проводил дома бесчисленное количество опытов, пытаюсь найти и проверить на деле те или иные ингредиенты, их соотношения и, незаметно для самого себя постепенно превратился в убеждённого алхимика. А такое увлечение могло вывести меня на очень опасный путь...»

Иоганн, проходя по Лавочному мосту через Прегель ³, посторонился, пропуская следующую на Кнайпхоф телегу, гружённую мешками с углём. Пожилой возница, служивший при Кафедральном соборе, улыбнулся и кивнул студенту. Они не были знакомы, но за неполные два года, проведённые Иоганном на острове, столь примелькались друг другу, что при встрече чувствовали один к другому чуть ли не родственную приязнь.

Студент поправил плащ, довольно тонкий для сегодняшней прохладной погоды, натянул на

голову капюшон. Со стороны Остзее ⁴ дул пронизывающий ветер. От реки тянуло сыростью, смешанной с запахом рыбы, доносящимся со стороны разгружающихся судов. Альтштадт, затянутый пеленой тумана, несмотря на раннее утро, жил своей портовой жизнью. Этот день тоже начинался с большой торговли. Берег реки постепенно заполняли продавцы и покупатели, нетерпеливо фыркали лошади на базарной площади, слышался смех, громкие крики возниц и цоканье подков по набережной.

Иоганн перешёл на противоположный берег, и, повернув налево, стал подниматься к знакомым строениям родного Альтштадта, по улице Хлебных лавок, мимо ратуши с «бородатыми япперами» ⁵, готовыми высунуть свои языки в сторону Кнайпхофа.

Альбертина — такое имя университет получил совсем недавно, в память об его основателе, Альбрехте Бранденбургском. На четырёх факультетах более двухсот студентов изучали теологию, юриспруденцию, медицину и философию. Нельзя сказать, что их жизнь была стеснена жёсткими рамками дисциплины. Конечно,

порядок существовал, и нарушение установленных правил каралось строго. Однако, преподаватели Альбертины: доктора, профессора и магистры, представители высшей касты немецкого общества, допускали некоторую демократию в отношениях со студентами (некоторые из них даже проводили занятия у себя на дому), утверждая, таким образом, исключительное положение Кёнигсбергского университета перед другими городскими учреждениями. Сухие схоластические лекции зачастую сменялись коллоквиумами, диспутами, шумными спорами, в ходе которых некоторые злободневные вопросы выносились на широкое обсуждение.

Студенты Альбертины были различных сословий и нередко приезжали издалека. Кроме немцев, тут было много поляков, чехов, венгров и литовцев. Сказалась закончившаяся двадцать лет назад Тридцатилетняя война, которая принесла Европе страшные бедствия и опустошения. А этот тихий уголок Восточной Пруссии был далёк от всяческих баталий и жил своей размеренной, неторопливой и спокойной жизнью. Поэтому сюда и устремились тысячи беженцев, которые находили пристанище на здешней земле, обустроивались и обживались, однако не теряли связи со своим прежним миром, со своими родными местами.

Прибыв на учёбу из самых разных уголков Европы, молодые люди «вливались» в существующие в «альма матер» братства-землячества. Члены братств жили сообща, деля все тяготы студенческого бытия, главной из которых была бедность. Нередко случалось, что, задолжав за учёбу, бедолаги были вынуждены отправляться восвояси. Те же, кто, несмотря на трудности, оставался в стенах Альбертины, делили меж собой одежду, обувь и кусок хлеба. Если кому-то из студентов перепадали из дома кое-какие припасы, будь то продукты или деньги, радовалось всё землячество.

Университет располагался в северо-восточной части Кнайпхофа. Храм науки и величественный Кафедральный собор, который являлся также и университетской церковью, разделяло кладбище соборной общины. Альбертина имела два здания. Коллегия (6) состояла из двух сходящихся под прямым углом крыльев, в одном из которых находился актовый зал. Второй корпус использовался как общежитие для малоимущих студентов. Вне университета, на Вайдендамме, располагался лишь анатомический театр. Многие студенты селились в коллегиях, главным образом, по земляческому принципу. Некоторые, отпрыски зажиточных семей, снимали квартиры.

Иоганн жил дома в Альтштадте. От него до дверей Альбертины студент легко доходил пешком за полчаса. Иоганну было легче, чем иногородним: его родные находились рядом. Отец с матерью работали не жалея сил, и их здоровья, к счастью, хватило на те годы, которые сын провёл на студенческой скамье. Ещё немного, и он сам станет зарабатывать на жизнь, чем облегчит участь своих заботливых родителей...

Учёба давалась Иоганну на удивление легко. Сказались его любознательность и увлечение медициной, как наукой, природная сообразительность и тот основательный задел знаний, который он приобрёл в стенах школы. Лекции в университете читались на латыни, а в ней новоявленный студент был уже не новичок. Умение схватывать мысль «на лету», трудолюбие и аккуратность приносили свои плоды: к окончанию первого года обучения он считался одним из лучших студентов, чем страшно гордились его отец и мать.

Однажды за ужином в семье зашел разговор о светилах медицинской науки.

— ...Как ты сказал, Гиппократ? — переспросил Гюнтер сына. — Кто же он, немец? — отец считал, что все великие люди родом из Германии. — Фамилия наша — немецкая. Похоже,

из швабов... Говоришь, грек, великий врач... Вот и старайся быть похожим на него!

Немного позже, когда Иоганн самостоятельно изготовил микстуру, которая хорошо снимала проявления простуды, довольный отец обратился к матери:

— Видишь, Эльза, теперь у нас есть собственный врач! Незачем ходить к еврею Лаппе с Аптекарской улицы, чтобы платить большие деньги за его бесполезные снадобья, от которых ничего кроме расстройства желудка не получишь!

На что получил ответ:

— Одеваться надо теплее! Тогда не простудишься... А сынок наш и впрямь молодец!

Спустя некоторое время в доме появилась ещё одно новое лекарство — настойка на янтарных крошках, которую отец и мать принимали как средство от усталости и старческих недугов.

— Я от неё молодею! — радовался Гюнтер и в его глазах вспыхивали задорные искорки. — И недорогая, зараза, а как бодрит и сил прибавляет!

— Да, — счастливо улыбалась Эльза. — Наш Иоганн скоро станет настоящим врачом.

Гюнтер Майбах был не просто каменщиком с золотыми руками, он обладал незаурядным умом и рассудительностью, перемешанной с хитростью, так характерной для немца. Перед тем, как расстаться со своими трудовыми деньгами, он

сумел встретиться с деканом медицинского факультета, и даже пытался добиться аудиенции у самого ректора Альбертины, правда, ему это не удалось. Зато теперь он достаточно много знал о традициях, сложившихся в университете, о жизни студенчества и тех неожиданностях, которые могли возникнуть на пути молодого Майбаха.

— Сынок, — сказал он Иоганну, когда тот впервые собирался в храм науки. — Я должен тебя предостеречь насчёт одного скверного мероприятия, которое очень скоро ожидает тебя. — Юноша насторожился. — Не волнуйся, местные шалопаи, посвящая молодёжь в бурши, придумали одну... дурацкую процедуру, которую тебе предстоит пройти... Не беда, если тебе отхватят топором прядь волос на голове, отполируют физиономию на шлифовальном круге... или оттяпают кусок ткани от штанов с задницы... Плохо то, что за этот кусок тебе ещё придётся заплатить. Можно, конечно, возмутиться и призвать к порядку, но университетские бакалавры уверяют, что лучше подчиниться традиции, и тогда всё будет хорошо. Затем тебя примут в братство... И для этого тоже потребуются взносы... Что ж, вот тебе несколько талеров. Но теперь нам всю неделю придётся есть одну капусту...

Землячество, в которое был принят Иоганн, носило название «Пруссия». В него входили как

местные студенты, жители Кёнигсберга, так и выходцы с западных земель. Братство имело свой герб и флаг, постоянную штаб-квартиру, расположенную вблизи Замкового пруда, и «свои» трактирчики, где молодые люди отдыхали от занятий и веселились в компании с кислым кёнигсбергским вином. Кроме «Пруссии», были и другие братства: «Мазовия», «Венгрия» и «Трансильвания», «Литва» и «Ганза».

— Теперь ты член нашего братства, — вдохновенно говорил Иоганну его старший товарищ, студент юридического факультета (будущий известный кёнигсбергский нотариус) Вольфганг Шёнебург. — Держись нас, братишка. Если тебя кто тронет, только дай нам знать! Мы своих в беде не бросаем. Ну, а если понадобится, приди на помощь своим братьям-буршам! Раз ты местный, из Альтштадта, то сегодня же мы покажем тебе нашу квартиру и посидим в трактире «Усы сома». Это — наш трактир, да и находится он в Альтштадте, совсем недалеко от твоего дома. Не робей, теперь у тебя есть много друзей!

Сам Вольфганг имел живописный синяк на левой стороне лица, от него резко пахло винным перегаром, но Иоганн с почтением вслушивался в слова «почти бакалавра», как Вольфганг сам себя величал.

С какой нежностью всю свою последующую жизнь вспоминал Иоганн годы, проведённые в стенах Альбертины! Какой важный и неожиданный поворот вскоре произошёл в его судьбе, насколько захватывающе, интересно и колоритно завертелась жизнь! Тут было всё: и нескончаемые лекции, и практические занятия, и страх ошибиться... Порой посещало чувство неуверенности, но его все чаще сменяла гордость за себя. Вспоминались драки с горожанами и буршами из других братств, вечеринки в «Усах сома», пошловатые песни, переделанные местными вагантами (7) из стихов Симона Даха (8) и псалмов Валентина Тило (9), известного поэта и бывшего профессора кёнигсбергского университета... А друзья-студенты! А наставники!..

Как большинство студентов, Иоганн Майбах внимательно слушал лекции и аккуратно записывал всё сказанное магистрами и профессорами. Но больше всего ему нравились диспуты: живое, шумное и полезное для ума обсуждение той или иной практической ситуации.

— К вам привезли больного! — Магистр Гуго Розенталь внимательно оглядел притихших студентов. — Больной в беспамятстве. — Ещё один долгий, изучающий взгляд... — Студент Иеронимус Штетлих! Каковы ваши действия?

Потрудитесь поделиться с нами своими соображениями.

Поднявшийся со скамьи щуплый бурш одёрнул тёмную мантию и возвёл очи ввысь, подыскивая подходящие слова.

— Больной лежит на санях, — уточнил магистр. — На улице мороз. Если врач будет слишком долго размышлять, то несчастный просто замёрзнет! — среди буршей послышались редкие смешки. — Разумеется, тех, кто его привёз, вы тут же пригласите в дом и угостите глинтвейном, расспросите про погоду и цены на овёс... — смех усилился.

— Я немедленно подойду к больному... — выдавил из себя Иеронимус.

— Отлично! И о чём вы спросите человека в бесчувственном состоянии? Кто поможет?... Вальденблум!

— Больного надо отнести в дом и осмотреть!

— Отлично, Генрих. Вы убедились, что он тёплый и ещё дышит. Что дальше?

— Необходимо привести его в чувство! — послышались возгласы.

— Обтереть уксусом...

— Пустить кровь...

— Прочсть молитву...

Через несколько минут жаркой дискуссии становится ясно, что сначала следует попытаться определить, чем же болен пациент.

— Запомните! Правильно распознать болезнь — первая ступень к излечению страждущего человека! *Bene dignoscitur, bene curatur!* (10) — И, хотя вопросами жизни или смерти, ведаёт непосредственно Господь, в силах врача помочь больному, ибо сам Бог даёт ему необходимые знания, опыт, интуицию и решимость!

Когда аудитория немного утихла, магистр Розенталь добавил:

— Есть множество способов для определения того, что же случилось с больным, но лучше всего осведомиться об этом у людей, которые его доставили. Человек мог отравиться, занедужить малокровием, получить удар ножом в пьяной драке, его могла сбить разбушевавшаяся лошадь... Цвет лица, наличие ран или язв на теле, сухость или влажность кожи, испражнения — всё это может рассказать вам о многом, и внимательный врач очень скоро составит правильное мнение о состоянии пациента...

Майбах улыбнулся, вспоминая минувшее. Именно тогда, в самом начале своего пути, он подумал: «Хорошо бы создать такую настойку или, скажем, микстуру, намочив которой лоб или щёки больного, можно было бы привести его в чувство,

унять жар и боль... А ложкой-другой этого целебного снадобья можно было бы поднять на ноги любого больного...» Впоследствии эти мысли не давали ему покоя. Проучившись всего год, он пришёл к убеждению, что такое средство создать не только можно, но и необходимо. Нужно лишь правильно подобрать и тщательно выверить все его компоненты. Как рассказывали преподаватели, работа по созданию таких медикаментов велась издавна. Некоторые даже заявляли о том, что им удалось получить такой чудодейственный бальзам или эликсир, однако рецептуру и дозы своего лекарства держали в строжайшей тайне. И тогда Иоганн поставил перед собой великую цель — во что бы то ни стало создать такой универсальный препарат, пусть даже на это потребуется целая жизнь!

...Его путь лежал мимо пекарни, от которой всегда чудесно пахло свежим хлебом. Этот запах обычно разжигал чувство голода, но нынче молодой Майбах был слишком возбуждён, чтобы думать о еде. В складках одежды он прятал древний свиток с удивительным рецептом... Сегодня утром, едва пробежав глазами местами подпорченный временем текст, у Иоганна появилось радостное предчувствие: вот оно, наконец-то найдено! Одновременно с этим в душу проникла тревога: от

написанного на старом свитке явно пахло колдовством...

До дома оставалось совсем немного. Альтштадт располагался на возвышенности, которая начиналась от самой реки. Со временем холм оброс каменными и деревянными домами. Позже его кривые, узкие улочки были вымощены булыжником. В центре Альтштата находилась просторная четырехугольная площадь, городская ратуша и старинная кирха с высоким шпилем. На самой площади каждую субботу проводились торги мясом и другими съестными припасами. Вся она в один день застраивалась множеством аккуратных деревянных лавочек, которые уже под вечер разбирались, и площадь к воскресному дню тщательно убиралась от мусора. У Старого города и его ближайших соседей появились свои предместья: Трагхайм, своим обликом похожий на старого солдата, вернувшегося из дальнего похода; Лаак, славящийся увеселительными заведениями и напоминающий загулявшего бурша, Штайндамм и Росгартен, украшенные садами, тенистыми липовыми и каштановыми аллеями...

Иоганн толкнул дверь, шагнул через порог и по винтовой лестнице поднялся на второй этаж. Мать резала на столе овощи, в очаге весело потрескивал огонь. Отец, как было видно, уже ушёл

на работу. Студент с удовольствием стянул с себя плащ. Эльза с укором взглянула на сына.

— Иоганн, дорогой, где ты пропадал всю эту ночь? — она сначала нахмурилась, затем улыбнулась, увидев сына живым, невредимым и в чистом облачении. — Столько слухов ходит по всему Кёнигсбергу о ваших, студенческих гулянках! То подрались со столярами в Лёбенихте, то устроили дуэль и проткнули кого-то шпагой на Канонен-аллее! Мы с отцом беспокоимся за тебя...

— Успокойся, матушка. Ты же видишь: шпагу я не ношу, а в наших кабацких «заседаниях» участвую крайне редко. Этой ночью я работал в Кнайпхофе. У помощника конюха было любовное свидание, и он попросил меня подменить его... в обмен на один ценный документ, — Иоганн достал заветный свиток. — Поэтому я всю ночь провёл на конюшне... Но слава богу, Томас не обманул и на рассвете принёс мне старинный рецепт! Взгляни, этому составу более ста лет!

— Ты помешался на своих рецептах и лекарствах! — с явным облегчением промолвила мать. — Омой руки и садись за стол, отведай рыбы с овощами. До начала занятий много ли времени?

— Да, мама, я успею отдохнуть. Повторительные лекции сегодня во второй половине дня. Но мне не терпится изучить эту пропись. Лекарство, приготовленное согласно ей,

поможет от многих страшных болезней! Представляешь, у меня будет средство, против «черной смерти» (11) и оспы!

— Господь с тобой, сынок, не произноси эти страшные слова в нашем доме. — Мать сходила с тазом на улицу и выплеснула помой в промёрзший за ночь сточный жёлоб. Грязная вода медленно поползла вниз, в Прегель.

— День сегодня будет солнечным, — отметила она, вернувшись. Заметив, что сын увлечён старинным свитком, пошла к плите. — Я пожарю тебе яичницу, учёный ты наш.

— Нет, мама, — отозвался Иоганн. — Я ещё не учёный. Вот наш профессор, Вильгельм Пильц, это — да!.. На его лекции приходит невероятное количество слушателей. Кстати, он нам так и сказал: «Студенты, ищите старые рецепты и создавайте свои, новые. Но все эти поиски должны сопровождаться усиленным изучением самого предмета, не забывайте об этом, бездельники!» — сын и мать рассмеялись. — Вот я и нашёл. Правда, есть тут что-то, что меня несколько смущает...

— Вот и показал бы его этому профессору.

— Нет, мама. Это — необыкновенный человек... К нему трудно подступиться. Он... величественен. Он, как огромная скала... Я ко многим могу подойти за советом и с просьбой, а вот к профессору Пильцу... отчего-то робею.

— Наверное, ты чувствуешь недостаток знаний.

— Пожалуй... Поэтому и пытаюсь это наверстать.

— Да, уж... Слишком стараешься: вся кладовая уже заставлена стеклянными пузырьками, баночками со странными жидкостями, связками каких-то пахучих трав...

— Это лечебные травы, мама. А в пузырьках тоже нет ничего опасного...

— Смотри, Иоганн, мне бы очень не хотелось, чтобы моего сына обвинили в колдовстве, — тихо произнесла набожная Эльза.

Наступил вечер. Иоганн вернулся из университета. Следом за ним в дом ввалился Гюнтер. Эльза была рада, что вся семья собралась в доме за вечерним столом. Впрочем, не преминула заметить:

— Эх, ты, кирпичных дел мастер! Не забыл-таки заглянуть в кабачок...

Гюнтер, сполоснув руки и лицо, ответил:

— Не ругайся, мать. Сегодня был тяжёлый день.

— Неужто закончили строительство? Выложили крепостную стену вокруг Кёнигсберга?

— Не в этом дело. Мы возвращались через Хаберберг и Кнайпхоф. Там, на окраине форштадта

сгорел дом... Жуткое зрелище. Со времён войны ничего более печального не наблюдал...

— Вот беда... — произнесла Эльза. — Как это случилось?

— Никто толком не знает. Известно, что сгорела целая семья. Сегодня под утро... Стража оцепила пожарище, ведётся расследование... Эльза, есть ли у нас пиво? Давайте помянем души погибших людей. Ибо кто знает, что с нами случится завтра...

Иоганн поёжился. Вот он, знак свыше! Не зря, видно, именно сегодня ему удалось завладеть старинной рукописью.

— Что с тобой, Иоганн? — спросила мать.

— Ничего, мама.

В старом рецепте было ясно сказано: «Возьми пепел с пожарища, где сгорели живые люди...»

Форштадт, то есть пригород Кнайпхофа, — это Хаберберг. Место, где городские кварталы постепенно переходят в сельскую местность. Там часто что-нибудь происходит: то весеннее половодье превратится в наводнение, то случится очередная потасовка между городскими и сельскими жителями, то возникнет пожар, как сегодня, да ещё с жертвами...

«Возьми пепел с пожарища, где сгорели живые люди...».

Это означало, что ему надо немедленно бежать в Хаберберг.

Глава 3. Ночное происшествие

— Ещё не очень поздно, — оправдывался Иоганн перед родителями. — Мои товарищи-бурши ждут меня в «Усах сома», но я иду по делу. Думаю, за пару часов всё уладить.

— Куда же ты, сынок? — мать обеспокоилась неожиданной отлучкой сына.

— Оставь его, Эльза, — пробубнил отец. — Сама видишь, он не на гулянку спешит, а по какому-то важному делу. Пускай себе идёт. Он — взрослый, ему уже семнадцать. И мозги варят... не то, что у соседских баловней, у которых во рту каша, а в голове опилки. Наш сын уже почти врач. Скоро станет вторым... как там его?... Гиппократом!

— Да поможет тебе Пресвятая Дева Мария, сынок... — вздохнула мать.

И вот Иоганн нырнул в колючую, промозглую тьму. Ранняя весна — пора оттепелей и заморозков. Поплотнее закутавшись в плащ, студент быстро зашагал вниз, к реке. Иногда с «рыси» приходилось переходить на лёгкий бег.

Бывает, на улицах Кёнигсберга так метет и кружит, что куда не поверни, а мелкий колючий

снежок — все равно хлещет по щекам. Хоть разворачивайся да ступай обратно, но и тогда несносные вихри умудряются швырять иглы снежинок или дождинок в твои глаза. Точно так же многие наши нерешенные вопросы: как от них ни прячься, ни отворачивайся, ни закрывайся полкой плаща и капюшоном, все равно — остаются, надоедают и упрямо ранят в сердце и душу, мешая дышать, лишая возможности сосредоточиться на главном...

Узкие улочки не везде были мощеными и освещались крайне плохо. Многие дома, выходя фасадами навстречу друг другу, своими террасами сужали их просветы еще больше. В нос студента впился стойкий запах гнили, мочи и фекалий, всех нечистот, что горожане выбросили на улицу в течение дня. Редкие масляные фонари, висевшие на стенах, да одиночные горящие факелы с большим трудом позволяли ориентироваться в ночном городе. Только Иоганн не обращал внимания ни на потоки помоев, ни на вонь от испражнений, ни на громкую ругань загулявших грузчиков Закхайма, слышавшуюся далеко впереди. Его путь лежал к Лавочному мосту — на остров, а с него — на другой берег Прегеля по Зелёному мосту.

Черное, как плащ астролога, небо сверкало в разрывах туч россыпями звёзд. Свежий ветерок обдувал лицо студента. Иоганну даже показалось,

что ветер спросил, почти неслышно, как будто вздохнул: «Куда спешишь, Иоганн? Куда торопишься? Не лучше ли остаться дома?» «Спешу по неотложному делу, — мысленно отвечал ему будущий врач. — Мне нужно добыть важный компонент для своего лекарства. Возможно, оно спасёт множество жизней».

Возле дома кожевенных дел мастера Шульца стояли две бочки. Старый скорняк держал в них мочу домашних животных. Острый аммиачный запах вонзился в ноздри, заставив Иоганна дёрнуть головой.

— Вот дьявол, — промолвил он, — ведь сам же нюхает эту мерзость, а плотно прикрыть крышками вонючие жерла, у старого бездельника не достают руки...

Далеко впереди маячили тени редких прохожих. Пожалуй, следует опасаться встречи с лихими людьми, мелькнула мысль. Эх, если бы днём...

Видимо, не зря пепел от пожарища входит в состав таинственного снадобья. Его частицы вбирают в себя не только жар огня, но и разнообразные человеческие чувства. Из которых самые сильные — это страх, боль, безысходность... Сделает ли это будущее лекарство сильнее? Несомненно, сделает. Для того, чтобы частички пепла с вкраплёнными в них человеческими

эмоциями усилить и соединить воедино, требуется кровь летучей мыши... Почему именно её, этого Иоганн не знал, хотя догадывался. Но то, что пепел надо собрать немедленно, это ясно — сила, которую он приобрел во время пожара, чувства, которые он впитал, могут улетучиться, выветриться, быть смыты дождем...

Вот и река. На ее берегах, как и в любом ганзейском городе, стоят узкие прижавшиеся друг к другу островерхие склады-амбары, пакгаузы и судоверфи, а у самой воды сложены в штабеля бревна, бочки и ящики. У костра греется ночная стража. Лучше не попадаться на глаза этим людям, решил молодой Майбах, и свернул влево, к Лавочному мосту. На его удачу стражники остановили для осмотра телегу, которая собиралась проехать в Кнайпхоф. Воспользовавшись этим обстоятельством, Иоганн прошмыгнул на мост. Ещё немного, и он будет на острове.

Остров Кнайпхоф невелик, но густо застроен высокими домами. Наиболее величаво выглядит Кафедральный собор с колокольной из красного кирпича и ярко-вишневой двускатной черепичной крышей: у редкого прохожего, идущего мимо этого творения, не возникнет чувство восхищения перед талантом возводивших его мастеров. Изнутри он увешан древними знаменами и украшен военными трофеями, в нем погребены многие знатнейшие

люди города, в числе которых и герцог Альбрехт. Поодаль разместилось здание Альбертины, вокруг которого располагались мастерские ремесленников, книжные и продуктовые лавки, жилые дома и дровяные склады.

У Иоганна, едва он оказался на острове, часто и громко застучало сердце. В душу закрались неуверенность и тревога. Непонятно отчего на память пришли рассказы горожан о наводнении, покрывшем водой весь Кнайпхоф (12). Старые жители по сей день помнят то бедствие, принёсшее городу так много горя и убытков. Иоганн представил себе скрытые под речной водой улицы, людей, спасающихся на крышах домов, стремительные мутные потоки, смывающие всё на своем пути... И поёжился от холода.

Чтобы совсем не пасть духом, студент заставил себя подумать о чём-то более весёлом. И сразу вспомнились ежегодные праздники Длинной колбасы, которые в Альтштадте и на Кнайпхофе устраивались первого января. Вот с этой улицы мясники начинали своё гордое шествие друг за другом, демонстрируя народу свои славные изделия, обычно гигантских размеров. После этого горожане дружно выкатывали бочки с пивом, все желающие усаживались за длинные столы, и безудержное веселье частенько затягивалось до глубокой ночи...

Иоганн улыбнулся, вспоминая зимние увеселения горожан. Не отставали от колбасников и пекари, устраивавшие на Крещение праздник Батона с изюмом. Огромный батон из лучшей пшеничной муки с добавлением пряностей исторгал изумительный запах! Мастера и подмастерья украшали его звёздами, коронами, гербами и зазывали народ на большой пир.

— Да, — подумал Иоганн... — А праздник Ярмарочного быка! А всевозможные карнавалы! И откуда у людей столько выдумки?

Вскоре он оказался возле старинного величавого сооружения. Здесь было гораздо светлее, чем в Альтштадте. Снаружи Кафедральный собор был освещён фонарями, к тому же, разноцветные струи света сочились сквозь его витражи. Многие жители ещё не легли спать, поэтому то тут, то там мерцали огоньки в окнах жилых домов. Иоганну это было на руку. Все закоулки Кнайпхофа были ему хорошо известны, а наличие освещённых участков улиц и прохожие, спешащие в этот поздний час по своим делам, создавали иллюзию безопасности.

Иоганн пересёк остров, перешёл по Зелёному мосту на другой берег и вскоре оказался в Хабербергском форштадте, славящемся, кроме описанных выше происшествий, ежегодными шумными ярмарками и увеселениями. С северной

стороны пригород Кнайпхофа выглядел, как настоящий город, с высокими каменными домами, кирхой, большой площадью и аллеями. Но ближе к югу всё чаще появлялись признаки деревенских усадеб: деревянные, мазанные глиной лачуги, сараи, загоны для скота. Здесь было гораздо темнее, чем на острове, но все же ориентироваться было можно — редкие фонари не давали заблудиться. Иоганн чувствовал, что его цель уже близка.

«Пожар, ужас, смерть... Что это за лекарство, постоянное на пепле погибших в мучениях людей?... Не колдовство ли все это?» — опять мелькнула тревожная мысль. Правда, в свитке было написано о создании именно лечебного снадобья! Хотя... Иоганну было известно, что колдуны и ведьмы любят посещать публичные казни, чтобы завладеть хотя бы кусочком окровавленной одежды, хотя бы прядью волос с головы преступника. Эти предметы крайне необходимы для обряда приготовления любого колдовского зелья. Как доказать, что Иоганн, собирающийся взять щепоть пепла в этом страшном месте, не собирается использовать его в своих дьявольских ритуалах? И опять застучало сердце, и вновь ему послышались едва уловимые слова: «Опомнись, Иоганн! Зачем ты пришёл сюда? Уходи...»

Запах гари вывел Иоганна к месту пожарища. Тут ещё вчера стоял добротный дом, рядом с

которым ютились хозяйственные постройки, сарай, хлев... Вокруг росли плодовые деревья. От кучи золы веяло теплом и невыразимой печалью. Казалось, что над этим местом кружатся души погибших в огне людей. При слабом свете, который давало пламя горящего невдалеке костра, было видно, что от дома не осталось ничего, кроме обугленных брёвен. Что послужило причиной пожара, будут выяснять местные власти. Скорее всего, оставленная без присмотра печь... Иоганн стоял возле места недавней трагедии и размышлял. Ему оставалось сделать всего-то несколько шагов вперед, зачерпнуть ладонью горсть пепла и высыпать его в кожаный мешочек. Торопливо развязав тесьму своего кошелька, студент огляделся и прислушался. Шорохи, приглушенные стуки, звон цепи, невнятные голоса, — всё эти звуки издавали готовящиеся ко сну местные жители и загнанный в стойла скот. Иоганн перекрестился. «Пресвятая Дева Мария, — прошептал он. — Прости мне этот грех: не для себя я стараюсь, а для спасения людей...»

Ему вдруг вспомнились рассказы буршей о том, что иногда в аудиториях университета появляется призрак первого ректора Альбертины, Георга Сабинуса. Некоторые утверждали, что явственно видели, как во время лекции он поднимается на кафедру, постоит, послушает с

минуту, и... растворяется в воздухе. Увидеть его считалось... а вот это точно не определено, — то ли к удаче, то ли к великой беде. Впрочем, многие не верят этим рассказам, и, наверное, правильно делают.

На всякий случай Иоганн прочитал про себя «Отче наш» и сделал первый шаг по пепелищу. Затем второй и третий... Он старался ступать предельно осторожно, высоко поднимая ноги, словно серая цапля на мелководье.

— Пожалуй, достаточно, — наконец решил он и наклонился, ощупывая рукой остывшие головешки. Тут в его ноздри ударил резкий неприятный запах, Иоганн невольно отшатнулся, сделав шаг в сторону. Под ногой что-то громко хрустнуло...

— Кто там? — костёр осветил поднимающуюся фигуру. — Эй, Курт, посмотри, кто там бродит!

— Никак, очередной колдун пожаловал! — раздался голос в нескольких шагах от Иоганна.

«Стража! — догадался Иоганн. — Выходит, место пожара тщательно охраняется».

— Я давно за ним слежу. Эй, колдун, выбирайся на свет божий. Мы с тобой прогуляемся кое-куда!

Иоганн сначала присел от неожиданности, потом развернулся и бросился бежать, не разбирая дороги, прочь от этого места.

«Только бы в темноте не нарваться на другого стражника...» — пронеслось в его голове.

— Он едва не выбил из моих рук алебарду! Стоять! — прокричал третий охранник.

— Стража, не дайте ему уйти! Курт, Густав, Томас! За ним!

Послышался топот сапог и лязг железа. Иоганн с разбега ударился ногой о жердь, торчащую из плетня, и упал, морщась от боли.

— Колдун здесь!

— Не уйдёт!..

Злобным лаем захлебывались проснувшиеся собаки. Неподалёку в хлеву заржала лошадь. Скрипнула дверь. Хозяин вышел на улицу с фонарём, осветив небольшое пространство впереди. Иоганн мгновенно оценил обстановку и выбрал путь, по которому следовало уходить от погони. Стражники тяжелы, у них оружие и бегать им нелегко. Но и ушибленная нога заметно затрудняла передвижения Иоганна. Дьявол! Надо было предусмотреть такой вариант! Он же видел костёр! Почему же не хватило ума выяснить, кто возле него сидит? Теперь главное — оторваться от погони. Если его схватят, не миновать расправы!

— Похоже, он неплохо ориентируется в здешних закоулках, — слышались голоса стражников.

— Наверное, видит во тьме не хуже кошки. Известное дело — колдун!

— Ничего, у него один путь — на ближайший мост и к Кнайпхофу! Там его и возьмём!

Затрубил рог. У Иоганна похолодело внутри. Дело становилось совсем плохо — преследователи вызывали подмогу. Бежать становилось все трудней. Сердце бешено билось. Чувство страха сковывало движения, появилась резь в правом боку, одышка и тошнота. Голова соображала с трудом: «Какой мост впереди? Есть ли другой путь?» Иногда ему казалось, что стражники отстали, их почти не слышно. Тогда он сбавлял темп бега и старался осмотреться. Вскоре он понял, что сбился с пути, слишком сильно принял вправо, и теперь необходимо исправлять положение. Где-то неподалёку должен быть другой мост на Кнайпхоф, имеющий название Потроховый. Мост сильно пострадал от телег, перевозящих тяжёлые грузы. Похоже, что его собираются серьёзно ремонтировать. Именно к нему и выскочил задыхающийся от быстрого бега Иоганн. В темноте, чуть ли не на ощупь, он сумел пробраться на остров. Но, не успев перевести дух, услышал ненавистное:

— Вот он! Эй, колдун, стой!

Стало понятно, что здесь его уже поджидали. Десяток ног затопал в направлении Иоганна. И ему оставалось только одно: собрав в кулак всю свою волю и остаток сил, опять пуститься в бега. Подвыпившие прохожие, возвращающиеся из кабачка, шарахались в стороны при виде тёмной фигуры в широком плаще и бормотали про себя проклятия вслед бегущему. Но юноша не обращал на них внимания. Для него в этот момент существовали только голоса преследующих его стражников — они помогали ему выбирать направление бегства.

На Лавочный мост уже не попасть, на Кузнечный тоже. Ночной патруль отеснил несчастного студента, подозреваемого в колдовстве, к восточной стороне Кнайпхофа. Вбежать в какую-нибудь дверь, забиться в тёмную щель... Казалось, что за ним гонится весь город, стоит только остановиться, и его схватят, свяжут и передадут в руки палача.

А бежать было уже некуда. Иоганн оказался на берегу реки. Впереди светился огоньками Королевский замок, правее располагался Лёбенихте. «Было бы лето...» — вздохнул про себя студент, тогда бы он вмиг переплыл Прегель. Но сейчас ранняя весна, вода ледяная... И всё же

Иоганн уже спускался вниз, к прибрежным камням. Погоня была очень близка...

«Я смогу, — шептал молодой Майбах. — Это не страшно! Десяток-другой мощных гребков, даже не успею остыть, а там — спасение!»

Унылая река выжидающе смотрела на отчаянного человека, решившего рискнуть своей жизнью. Огоньки фонарей криво и насмешливо отражались на черной поверхности воды...

Или все же затаиться?... Переждать?

— Где же он? — слышались голоса стражников. Иоганн понял, что их не менее десяти.

— Только что был здесь. Может, спустился к реке?

— Проклятый колдун! Сейчас схватим его. Долго же пришлось за ним гоняться, с самого Хаберберга!

— Что ж, осмотрим берег. Ему больше негде спрятаться!

Всхлипнув от жалости к себе, и не переставая шептать молитву, Иоганн вошёл в воду, которая ледяными тисками мгновенно охватила его ноги. Но студент не отступал. Он скинул с плеч плащ и бросился в реку. *Audaces fortuna juvat!* (13)

— Эй, ты что делаешь!?

— Оставь его, Курт. Если он колдун, то вода не примет его.

На берегу уже суетились люди с горящими факелами.

— Лихо работает руками, глядишь, так и выберется...

— Держу пари, его хватит только до середины...

— Уж не хочешь ли ему помочь?

Столпившиеся на берегу стражники громко захохотали. Увлечённые необычным зрелищем, они не заметили на противоположном берегу Прегеля стоящую в неосвещённом месте карету и человека, бесшумно спускающегося к воде.

Иоганн же грёб изо всех сил, преодолевая ужас, смертельный холод и начинающееся окоченение. Впереди — частокол брёвен, укрепляющих берег реки. Только бы добраться до него! Там спасение!.. Потом он перестал понимать происходящее с ним...

Человек, спустившийся к реке, внимательно следил за плывущим студентом. Тот держался на поверхности воды из последних сил. У самого берега движения пловца почти прекратились. Ещё мгновение, и он скроется под водой. Человек быстро нагнулся и подхватил готовое отдаться реке тело.

— Что там? — нетерпеливо спрашивали с другого берега стражники. Из освещённого

пространства трудно глядеть в темноту. — Неужели выплыл?

Кто-то размахнулся и швырнул факел далеко вперёд. Свет вырвал из темноты коренастую фигуру человека, несущую неподвижную ношу, с которой стекала вода.

Человек поднялся к карете, распахнул дверцу и положил тело на сидение.

— Мартин, вперёд! Домой! — крикнул он кучеру.

Через некоторое время карета остановилась у высокого строения. Подоспевшие слуги внесли Иоганна внутрь.

Прошло ещё немного времени. Наконец, Иоганн открыл глаза.

— Ожил, — услышал он чей-то довольный голос. Сознание постепенно возвращалось к бедному студенту. — Ты можешь приподняться? — Голос показался Иоганну знакомым. И лицо человека, который находился рядом, тоже. — На, выпей горячего вина. Грета, разогрей бульон!.. Луиза, перелей его в чашку и принеси сюда!

Пока Иоганн с трудом вливал в себя живительный напиток, спаситель с интересом разглядывал его.

— По одежде вижу, что ты — бурш. Отчего же за тобой гнались стражники? Неужели опять переломали кому-то кости, бездельники?... Постой,

а ведь я тебя знаю. Ты — Иоганн Майбах, студент нашего факультета, медик.

— Я вас тоже знаю, — чуть отдышавшись, ответил Иоганн. — Вы — профессор медицины Вильгельм Пильц... Ради Бога, не выдавайте меня страже! Я ни в чём не виноват! Но меня могут обвинить в колдовстве за то, что я собирался взять немного пепла на пожарище...

— Не волнуйся, вот тебе одеяло, согревайся. Значит, горсточку пепла... И зачем он тебе? Говори не таясь, я умею хранить секреты... И не беспокойся, здесь тебя искать никто не станет. Это — моя приёмная дочь, Лизхен... — Иоганн увидел худенькую светловолосую девочку с большими, выразительными глазами, которая принесла что-то на небольшом подносе. Ее аккуратный носик был чуть-чуть вздернут кверху, на щеках просматривались симпатичные ямочки, а губы казались мягкими и расслабленными, как бы слегка улыбающимися. — Она решила угостить тебя куриным бульоном. Тебе обязательно надо его выпить, мой мальчик...

— Я... достал старинный рецепт. Хотел сделать лекарство от моровых болезней. Но для его приготовления был нужен пепел с пожарища, где сгорели люди... Скажите, это — колдовство?

— Пожалуй, — улыбнулся Пильц. — Тут действительно пахнет колдовством... Или, что

вернее, дремучим невежеством. Тебе уже лучше, Иоганн?

— Да, спасибо, профессор. Мне надо домой.

— Тебя отвезут в моей карете. По городу бродят стражники, они продолжают тебя искать. А в карете будет безопасно... Подумать только, лекарство от моровых болезней... Бедный мальчик, ты столько пережил... Немедленно поезжай домой и ложись спать. Завтра, если болезнь не овладеет тобой, поговорим про лекарства и рецепты. А о том, что произошло, никому ни слова. Сейчас я дам указание Мартину...

Глава 4. Тайна учителя

«...Господь послал мне спасение в лице профессора Вильгельма Пильца. В тот поздний час у него прошла важная встреча с посланником известного алхимика из Польши — Иосифа Раковского. Богу было угодно, чтобы, простившись со своим собеседником, он обратил внимание на шум и скопление народа на другом берегу Прегеля. Он пришёл мне на помощь, спас меня и впоследствии стал моим учителем. От него я узнал многие секреты врачевания, коим нас не обучали в университете. Его дом стал для меня вторым университетом. Со временем, наши встречи приобрели регулярный характер. Мы часами

беседовали с ним на разнообразные темы, но, в первую очередь, о том, как побеждать недуги...»

— Я очень рад, Иоганн, что болезнь не коснулась тебя. После такого купания, скажу тебе честно, немногие смогли бы выжить, случись у них катар важных органов. А к таким органам относятся, в первую очередь, мозг, сердце, лёгкие и печень. Знать, небеса благоволят к тебе и ждут от тебя благочестивых деяний на стезе медицины. — Голос профессора сегодня был необыкновенно тихим и вкрадчивым, хотя на лекциях и диспутах он давал ему возможность течь свободно и сильно, а словам, как аккордам органа, позволял поиграть друг с другом, отчего они и гремели порой так, что звенело в ушах. Неудивительно, что обладатель такого голоса был человеком крепкого телосложения, однако с довольно лёгкой (для шестидесяти лет) походкой. Густые брови нависали над его слегка прищуренными, всегда чуть-чуть смеющимися, но одновременно внимательными и умными глазами. Длинные, зачесанные от лица седые волосы и аккуратно подстриженная борода делали его открытое лицо мужественным, как у скандинавских воителей-викингов.

— Ты и вправду решил, что зола с этого пожарища поможет в приготовлении

сильнодействующего лекарства?... — профессор улыбнулся, в его глазах сверкнула хитринка.

Уютно было в доме Пильца. Потрескивали дрова в камине, подрагивали нежные лепестки пламени свечей. Учитель с учеником сидели напротив друг друга в небольшой комнате в плетёных креслах. Со стороны улицы иногда раздавалось цоканье копыт, слышались звонкий детский смех, деловитые голоса ремесленников и торговцев. Такая обстановка располагала к спокойной беседе. Иоганну было лестно думать о том, что профессор университета приблизил его, обычного студента, к себе, и при этом не читает нравоучений, а ведёт заинтересованную беседу, почти как со своим ровней.

— Я хочу найти средство против моровых лихорадок, которые сейчас уносят столько жизней. Как говорится о воскресении Спасителя нашего: «смертью смерть поправить!» Я надеюсь, что ужас и боль погибших детей должны отпугнуть эти болезни.

— Я тоже много думал о том, как изгонять из тела подобные недуги... — Пильц покачал головой и нахмурился, как музыкант, уловивший фальшивую ноту... — Твои рассуждения, Иоганн, не лишены смысла, но... только не в отношении этих болезней. Ты ведь знаешь, что эпидемии во все времена совпадали с землетрясениями, войнами и

особым положением звезд. Многие считают, что это — божественная кара за наше греховное поведение! Церковь учит, что это — проделки нечистой силы, в тот злосчастный период, когда Бог на время отступает от защиты грешников. Конечно же, людям всегда приходится расплачиваться за свои ошибки, но в данном случае, думаю, *causa causalis* (14) состоит в ином: моровые болезни вызываются «миазмами», порождаемыми гниением плоти людей и животных. Эти миазмы копятся в глубинах земли, и периодически выносятся, на её поверхность. Они передаются через воздух и воду, от человека к человеку и через предметы, которые держал заболевший. Самым действенным средством во время мора является не молитва или пилюли, а скорейший побег из данной местности, и длительный, на сколько это возможно, период невозвращения туда... И ещё одно важное правило: надо чаще омыwać своё тело. В Древнем Риме, например, для этого было множество общественных бань, но с приходом христианства почти все термы были превращены в храмы. В европейских городах бани просто необходимы, но церковь предостерегает, что с обычной водой в тело могут проникнуть всевозможные греховные мысли, и что общественные бани — это путь в ад,местилища соблазна и разврата, а между тем, они

— первое средство для профилактики моровых заболеваний... Что ты так смотришь на меня? Думаешь, мои слова похожи на ересь? Да, ты прав, тот, кто ищет свои пути в науке, а не довольствуется только церковными догмами, тот еретик и есть! Между тем, настоящий врач должен знать, как устроен человек, какие начала живут и борются в нём друг с другом, как должен поступить лекарь, чтобы помочь жизненной силе одержать верх над силой недуга!

Профессор поднялся с кресла и прошёлся по комнате. Пламя свечей резко колыхнулось, словно напуганное движениями этого крупного человека. — И я искал, Иоганн... Всю свою жизнь искал! Ты знаешь, как это прекрасно, быть в поиске! Собирать по крупичам новые данные, обнаруживать связь между ними, объединять их, удивляться и радоваться, словно ребёнок, каждому новому результату! Отсеивать ненужное, вредное, ложное... Я давно убедился, что мне в подобных изысканиях нужен толковый помощник. Желательно, из числа наших студентов. Ты как разходишь на эту роль, Иоганн. Ты — молод, умён, целеустремлён, у тебя есть силы и желание трудиться на благо людей и науки! У тебя есть мечта, которая созвучна с моей... Не скажу, чтобы она в точности копировала ее, все же существуют некоторые отличия, — он усмехнулся, — но в

целом мы идём к одной цели. Согласен ли ты, Иоганн Майбах, стать моим помощником, учеником и последователем? — и профессор пристально посмотрел на юношу. — По глазам вижу, что согласен! Эй, Пауль, — крикнул он слуге. — Достань нам графинчик с бургундским! А сейчас, мой дорогой Иоганн, я расскажу тебе о своих опытах...

С того памятного дня альтштадский студент и профессор Альбертины стали встречаться довольно часто: ученый радушно принимал юношу в своем доме и позволял сопровождать себя во время прогулок. А жил Вильгельм Пильц в Лёбенихте со своей приёмной дочерью Луизой. Родители девочки, как узнал позднее Иоганн, были близкими друзьями профессора. Какое несчастье их постигло, отчего они погибли — это пока оставалось тайной для молодого Майбаха, да, впрочем, он и не горел желанием её раскрыть... Грозный со студентами, шумный и порой резкий в спорах с оппонентами, Пильц был чрезвычайно ласков с дочерью. Все в доме называли её «Лизхен». Девочка росла нежным цветком в тёплой оранжерее, она была мила, тиха, но очень старательна: занималась вышивкой и всегда по мере своих сил старалась помочь домашним по хозяйству.

Пильцу прислуживала немолодая семейная пара: Пауль и Грета. Позже Иоганн узнал, что раньше у профессора была своя семья, но много лет назад он потерял её. Как это случилось, болезнь или война лишили Пильца семейного счастья, этого Иоганн также не знал, а расспрашивать об этом самого профессора он счёл неучтывым.

Кроме лекций в университете Пильц занимался врачебной практикой. У него имелось немало пациентов, среди которых были и весьма высокопоставленные персоны. Случалось, что загадочные гости в таинственных чёрных масках посещали его глубокой ночью, о чем-то подолгу беседовали с профессором, щедро оплачивая искусство целителя и его молчание...

Однажды, летним вечером, профессор со студентом как обычно сидели в доме Пильца и беседовали. Несколько раз к ним в комнату бесшумно заходила Луиза. Ей очень хотелось обратить на себя внимание, только она тяготела не к научной беседе, а к простой болтовне, где бы тоже охотно поделилась своими детскими наблюдениями... Но между отцом и симпатичным студентом продолжался учёный разговор, который мало её занимал. Тем более, когда мужчины так увлечены беседой, то не замечают ничего вокруг... Посидев немножко, она также бесшумно уходила к

себе. А разговор, между тем, переходил на довольно щекотливую тему.

— Господь создал человека по своему образу и подобию. Он же вложил в него Душу. Тело — это обиталище Души. Если болит тело, то подобную боль испытывает и Душа, — говорил Иоганн. — А если болит Душа, отражается ли это на теле?

— Несомненно, Иоганн. Тело и Душа не могут существовать друг без друга. Боль одной субстанции причиняет страдание и другой. Но если боль от ран можно утолить, применяя настойки и мази, то душевную боль принято унимать постом и молитвой.

— Учитель, расскажите, как Душа управляет жизненными соками человека? — молодой Майбах решил называть профессора именно так. Тот не возражал, находя в этом некоторое соприкосновение с античной и восточной философией.

— Хороший вопрос, Иоганн. Душа — это главная сила, которая посредством флюидов эфира воздействует на кровь и другие влаги, удаляя из тела вредоносные вещества. Гиппократ (15) и Эразистрат (16) называли эти флюиды «пневмой» и полагали, что она входит в тело с воздухом. Только со временем стало понятно, что эфир возникает в мозговых желудочках... С помощью его Душа управляет тонусом и сохраняет здоровье тела.

Избыток эфира ведёт к сокращениям и спазму, а недостаток — к атонии... — Пильц подошёл к окну. — Похоже, собирается дождь... Так вот, возникающие в теле болезни могут принимать всевозможные формы: кожных высыпаний, распухания желез, нарывов и нагноений, лихорадки и обильного пота, кашля и выделения слизи, поноса и рвоты. Но ещё Гиппократ писал, что каждая болезнь в своем развитии обязательно проходит три периода: сырости, сварения и извержения. И заканчивается болезнь либо выздоровлением, либо смертью. Обычно боль, отек и слабость предупреждают нас о начале нездоровья...

— Учитель, а всегда ли лекарь имеет возможность помочь Душе очистить тело от болезни?

— Мы можем и должны помогать целесообразным движениям, совершаемым Душой, применяя проверенные лекарственные средства. Врачебное искусство состоит не в наблюдении за болезнью, а в ее лечении. Хороший врач обязан знать, как остановить ее развитие на любой стадии. Многие века медицинское пособие сводилось либо к успокоению или опорожнению органов при повышенном тонусе и усиленных движениях флюида, либо к возбуждению их при пониженном тонусе и ослабленных движениях флюида. В качестве расслабляющих средств наши врачи и

сегодня предписывают: мясо, тепло, вино, мускус, камфару, эфир и опиум. А для укрепления и возбуждения тонуса применяют: кровопускания и пиявок, холод, потогонные, рвотные и слабительные средства.

Тебе, дорогой Иоганн, наверняка хорошо известен метод «перетягивания» воспаления с одной части тела на другую при помощи банок и горчичников, путем удерживания их на коже до образования пузырей. К сожалению, мне редко приходилось видеть, чтобы кому-то из больных такое лечение действительно помогало... Я сам долгое время практиковал повторные кровопускания, ставил клистиры, назначал рвотные средства, но они... убивали моих пациентов. Я изготавливал териак (17), но и он не спасал больных!

— Выходит, если болезнь прогрессирует в теле, то её остановить нельзя? — тихо спросил Иоганн.

— *Auscultare disce* ! (18) Мной уже было сказано: врач обязан знать, как остановить ее развитие на любой стадии... Заметил ли ты, что при одинаковых ранах и при похожем лечении, одни больные выздоравливают раньше других? А некоторые могут умереть даже при незначительном поражении!

— Тело по-разному борется с болезнью?

— Да. В теле каждого человека скрыты невидимые ресурсы, которые могут противостоять недугам. Для себя я назвал это «жизненной силой» — *vim vitae*. Задача врача состоит как раз в том, чтобы эту силу пробудить к действию!

— А это возможно?

— До нас этого еще никто не делал. Великий Парацельс (19), соединивший медицину и химию, подозревал о существовании таких возможностей и искал их. Но, увы, не нашёл. — После короткого молчания, заложив за ухо седую прядь волос, Пильц продолжил: — Но есть и другие исследователи. И мы в их числе, Иоганн.

— Значит, вы уже давно занимаетесь этой проблемой?

— Да, Иоганн. Но к этому я шёл долгим и непростым путём. Угрызения совести мешали мне лечить страждущих способами, которые легко превращают жизнь в смерть или вызывают новые страдания и хронические недуги, которые часто труднее устранимы, чем первоначальная болезнь. Тогда я понял, что должны существовать иные, менее жестокие и более действенные способы борьбы с болезнью! И я их нашел!

«...Вильгельм Пильц поведал мне о том, что на первом этапе ему очень помогло учение Галена о весовых и объемных соотношениях при

приготовлении лекарственных средств: настоек и экстрактов, порошков и мазей...»

— «Все есть яд и все есть лекарство! — предупреждал Гален (20), — одна лишь доза делает их тем или иным!» — и с этим трудно не согласиться. Но я, мой дорогой Иоганн, пошел еще дальше: следуя принципу «не навреди» и, желая избавиться от побочных воздействий лекарств, я решил уменьшать дозы ингредиентов, разводя настойки и растворы в воде или спирте все в большей и большей степени. Этот способ приготовления препаратов я вскоре назвал: «метод магических троек» Обычно, я поступал так: готовил концентрированную спиртовую вытяжку из какого-нибудь лекарственного сырья, затем смешивал одну её каплю с 33 каплями спирта, после чего долго и интенсивно встряхивал, таким образом «возбуждая» или, говоря по-учёному, «потенцируя» её. Затем, из полученной смеси бралась следующая капля и разводилась 33 каплями спирта, и этот процесс повторялся 3, 6 или 9 раз — для лечения острых болезней и 27, 30 или 33 раза — для застарелых недугов. Для приготовления твердых лекарственных форм вместо спирта я использовал молочный сахар, и, для потенцирования, тщательно растирал полученный состав пестиком в фарфоровой ступке.

И вдруг, Иоганн, я с огромным удивлением заметил, что после такого разведения или раздробления, многие мои лекарства действовали совершенно иначе. И, как правило, намного сильнее исходного вещества! А сила их воздействия, вопреки здравому смыслу, возрастала от каждого нового разведения! Об этом не было написано ни в одной мудрой книге, и я понял, что сделал своё первое открытие...

Иоганн с восхищением смотрел на своего учителя. Тот зажёл свечи, поскольку в комнате сгущались сумерки, и дал распоряжение Паулю насчёт ужина. Послышались раскаты грома, за окном полил сильный дождь.

— Сейчас мы с тобой, Иоганн, поужинаем знаменитыми кёнигсбергскими клопсами, затем ты отправишься домой. Как следует подумай над моими словами. И запомни: никому не говори о том, что ты здесь слышал раньше и услышишь потом. Наша церковь весьма пристрастна к мыслящим людям. Тех, кто задумывается, ищет, находит и делает выводы, запросто могут обвинить в ереси и колдовстве. Я бы не хотел, чтобы нас с тобой за это бросили в темницу... или повели на эшафот.

Ужин в доме Пильца обычно завершал беседу Учителя с Учеником. Во всяком случае, к данному моменту оба уже чувствовали усталость, поэтому

неспешно расправлялись с тем, что приготовила им хлопотливая Грета, и непринуждённо переговаривались на второстепенные темы, обсуждая университетские будни, политику, но чаще всего — последние новости, которыми был богат портовый город.

— Учитель, но вы так и не рассказали о скрытых в теле человека ресурсах... — покончив с клопсами, спросил Иоганн. — Что вы под этим подразумеваете? Может быть, они находятся в каком-нибудь органе? Например, в желудке... И что об этом говорят наши просвещённые предки?

— Да, набив брюхо, всегда вспоминаешь о желудке! — Пильц рассмеялся. — Что же касается твоего вопроса, на него так сразу не ответить... Я с огромным почтением отношусь к своим авторитетным учителям и всем ученым мужам древности, мнения которых придерживается большинство наших врачей, но оставляю за собой право и на собственное суждение. Не могу позволить, чтобы чужие мнения, какими бы громкими они ни были, заглушали мой внутренний голос. Ведь если каждый уважающий себя эскулап перестанет утолять жажду знаний из родника собственного разума, то остановится всякое движение и обновление, а все наше искусство превратится из кристально чистого озера в гнилое вонючее болото!

Иоганн сделал попытку подняться из-за стола, но профессор удержал его.

— Бургундское у меня закончилось. Попробуем нашей, кёнигсбергской кислятины, раз уж пошёл такой серьезный разговор. — Он наполнил бокалы из графина, при этом Иоганн заметил, как Пильц сосредоточенно о чём-то думает. — Прежде чем ты отправишься домой, Иоганн, я попытаюсь сформулировать свою основную мысль и на этом завершить нашу затянувшуюся и такую непростую беседу... Так вот, овладев методом «магических троек», я задумался над словами одного из асклеиадов (21): «Лучшее лекарство от лихорадки — это сама лихорадка!», и, несмотря на новейшие теории врачевания, решил отойти от общепризнанного метода *contraria contraries curantur* (22), а прибегнуть к принципу *similia similibus curantur* (23). Об этом в нашем университете ты не услышишь! Пока не услышишь... Может быть, пройдут годы, когда люди придут именно к этому... Начал же я так...

«Первые опыты, по словам профессора, он провел с ртутью и мышьяком, применение которых в определённых дозах вызывали у людей сильный понос и кишечные колики. Приготовленные по его рецептам эти опасные вещества стали облегчать

страдания даже у холерных больных. Сера, вызывающая на коже язвы и нарывы, стала способствовать очищению паршивых, золотушных и прокаженных, а препарат из пчел — апис — отлично помогал при отеках и нарывах, сопровождающихся острой жгучей болью.

— Тогда мне стало ясно, — говорил Пилыц, — что специфичность всех лекарственных веществ в этом и заключается: они вызывают у здоровых людей болезненные состояния, подобные тем, какие они же излечивают у больных! Попутно я отметил, что чайный лист является противоядием для всех приготовленных мной лекарств...»

Слушая Учителя, Иоганн неожиданно почувствовал, что начинает путаться. Смысл сказанного наставником сначала проникал в его мозг, возбуждая течение мыслей... затем, подобно дыму из курительной трубки профессора, куда-то исчезал. Из рассуждений Учителя следовало, что его эксперименты позволили ему сделать важный вывод: врач должен действовать в том же направлении, что и сама болезнь, а для окончательного излечения необходимо, чтобы в теле пациента возникла вторая болезнь, подобная первой, но более сильная, которая и погасит

разгорающийся недуг. С этим Иоганн так сразу согласиться не мог...

— Предвижу, какое огромное число просвещенных коллег обрушится на меня с упреками и обвинениями в ереси и отступничестве от догм классической медицины, — продолжал Пильц. — Скольких непримиримых врагов обрету, но я предпочитаю оставаться верным этой точке зрения, так как практика доказала ее эффективность!

Иоганн накинул плащ. Давно следовало откланяться и идти домой, но что-то удерживало его. Наконец, после нескольких месяцев непринужденных, поучительных бесед он услышал нечто поистине сокровенное! Именно этого он ждал, к этому стремилось его внутреннее желание и природная любознательность. Перед Иоганном начал раскрываться как великий замысел его Учителя, так и личность самого Вильгельма Пильца. Хотелось и далее слушать, внимая мудрым мыслям этого незаурядного человека...

Профессор вышел из дома вслед за Иоганном. Он кивнул предупредительному Паулю, выразившему готовность проводить студента домой, хотя бы до Королевского замка, после чего слуга отправился убирать со стола. Дождь закончился, лишь кое-где с карнизов падали крупные капли. Чувствовалась вечерняя прохлада.

— Самая мудрая и безупречная книга всех времен — Святая Библия, гласит, что простым смертным свойственно заблуждаться, — горячо говорил профессор своему собеседнику, держа его под руку. — Меня все чаще терзали крамольные мысли: что, если учение античных мудрецов Аристотеля (24) и Цельса (25), а также Бируни (26) и Авиценны (27) тоже не является истиной? Тем более, что наши предшественники: древние греки, римляне и арабы не были христианами... Пойдём, Иоганн, я провожу тебя до Альтштадта, а по дороге продолжу свой рассказ... Ты готов слушать?

— Конечно, Учитель... Это так интересно!

Прохожих на улице было немало. Многие учтиво кланялись профессору, поскольку хорошо знали этого почтенного человека, и внимательно присматривались к его спутнику. Мимо, разбрызгивая воду в лужах, с шумом проезжали повозки, развозя товары с закрывшегося рынка. Где-то совсем недалеко играла шарманка.

— Мир таков, мой мальчик, как он есть: добро в нем так тесно переплетено со злом, что непосвященному трудно отличить первое от второго. На каждом шагу мы сталкиваемся и с тем, и с другим. В результате своих размышлений и наблюдений, я пришел к выводу, что не всякое знание и опыт мы получаем от Господа. Несомненно, что любовь, милосердие и

сострадание — все это от Всевышнего, но зависть, жадность и уныние, конечно же, происки и козни Сатаны. Но коль мы не сомневаемся в существовании животворящей светлой энергии, то следует мириться и с тем, что всегда и всюду нам будет противодействовать злая черная сила...

Я решил подчинить человеческому разуму силы зла и направить их темную энергию против них же самих. Вот что стало целью моих многолетних исследований... Пожалуй, здесь я приблизился к ответу на твой вопрос о скрытых ресурсах, которые я назвал «жизненной силой». Но чтобы пробудить эту данную нам Богом силу и помочь ей раскрыться, нужно научиться управлять той силой, которая ей противодействует! На этом тернистом пути я достиг многого, но радости и удовлетворения мне это не принесло... И вот почему так произошло... — они свернули влево, огибая Королевский замок и спускаясь к пруду Лебедей (28). Отсюда до Альтштадта было рукой подать.

— Я слушаю вас, Учитель, — произнёс Иоганн.

— Приступая к работе, мне предстояло, во-первых, понять в какой момент энергия страданий покидает тело? Это было не так уж сложно: конечно же, в момент кризиса и перелома болезни. Во-вторых, следовало выбрать вещество,

способное поглотить в себя выходящую из человеческого тела силу зла. Я остановился на минерале галите, точнее — растертых кристаллах каменной соли, так хорошо впитывающей в себя влагу и окружающие запахи, что ее приходится хранить в закупоренных сосудах.

Они разговаривали под развесистым клёном. Мимо прошла группа студентов, оживлённо обсуждавших какую-то важную, на их взгляд, проблему. Неожиданно Иоганн подумал о том, что вопросы, решаемые его товарищами, слишком мелки, и что только ему одному повезло прикоснуться к чему-то особенному, важному, великому...

— Я не утомил тебя, мой мальчик?

— Нет, что вы, Учитель. Я только сейчас начал понимать всю ширь и размах ваших мыслей и трудов. В своем учении вы соединили доказательность науки и гуманность религии. Пожалуйста, не прерывайте нити ваших рассуждений на самом любопытном месте! Ведь именно к этому исподволь стремилась и моя душа, но нехватка знаний и опыта не давали возможности поставить перед собой конкретную задачу! Так вы нашли способ улавливать силу зла?

— Отойдём-ка в сторонку... вот сюда, в этот тихий уголок. То, что я скажу тебе сейчас, не

должно касаться чужих ушей. Это великая тайна, Иоганн...

Они свернули к пруду, спустились к самой воде и укрылись под роскошной дубовой кроной. Пильц осмотрелся по сторонам и убедился в отсутствии поблизости нежелательных прохожих.

— Ну, так слушай дальше, Иоганн. Врачуя тяжелых пациентов, я помещал колбу с солью на область сердца больных лихорадкой, коликами, падучей болезнью, в те самые периоды, когда у них наступало облегчение и избавление от недуга. Путем разведения и возбуждения полученного экстракта на сыворотке из женского молока я получал многократно усиленную энергию самых тяжелых недугов. Позднее мне приходилось использовать для этих целей и измельченный магический электрон — янтарь. Если потерять этот целебный камень, то он источает приятный запах хвои, и начинает притягивать другие предметы, а цвет его такой же, как у золота... Подобным образом мне удалось экстрагировать и потенцировать фактор страха, боли и отчаяния. Однако эти духовные категории не подчинялись в ходе экспериментов закону «подобия», а, напротив, влияли на людей вопреки ему. Воздействуя с их помощью на больных, я обычно добивался улучшения состояния последних, но случаи испытаний на здоровых людях почти всегда

заканчивались трагически... Такие вытяжки приносили человеку только страдания и горе, а нередко заканчивались безумием!..

Я заметил, что, разводя такие тинктуры (29), я начинал себя ужасно плохо чувствовать, а несколько раз даже падал без чувств. Чтобы вернуть себе силы и способность продолжать начатое дело, мне приходилось по несколько раз умываться родниковой водой и держать свои руки над пламенем свечи. Смешивая «факторы болезней» в сыворотке крови казненных преступников, мне, наконец, удалось извлечь энергию Смерти в чистом виде — *Vis mali* (30)! К сожалению, действие такого сильного яда уже не сочеталось с Молитвой и Святым Причастием и, видимо поэтому, также не подчинялось принципу «подобия», сея одну только смерть...

Медленно следуя по узким улочкам засыпающего города и неторопливо беседуя, собеседники не заметили, как оказались в Альтштадте.

— Вот так, — вздохнул профессор, — я выделил силу Зла, но пока не научился манипулировать ею. Для того чтобы определить основные пропорции, необходимые для пробуждения жизненной силы, нужно провести много опытов. В случае неудачи это грозит пациентам верной гибелью. Единственное, что

могло бы пролить свет... сдвинуть с места мои исследования, это учение французского врача и мыслителя Габе, изложенное в его книге «Теория и практика врачевания»...

— Я не слышал такого имени, Учитель...

— Это неудивительно. Его имя проклято... Я и сам совершенно случайно узнал о нём, прочтя один из трудов Габе. Это — великий врач, Иоганн! Он исследовал человеческое тело с анатомической точки зрения в мельчайших подробностях и писал как раз что-то о... «хранилище жизненной энергии»... К сожалению, сам ученый попал в руки инквизиции и был сожжён, а его книгу пока невозможно отыскать. Я веду переписку со многими европейскими коллегами, а также с книготорговцами, и не теряю надежды ознакомиться с нею... Идя же иным путём, нам придётся оставить на нём множество погибших...

Глава 5. Член тайного общества

«...Когда я стал бакалавром, у нас, молодых врачей, появилась возможность для практики. Мы лечили больных, как под руководством наших преподавателей, так и самостоятельно. Профессор Пильц пригласил меня в качестве ассистента. Для меня это была великая честь — вместе с Учителем исцелять людей от их недугов.

Часто больные находились в состоянии между жизнью и смертью. В тех случаях, когда университетские светила рекомендовали прибегнуть к ланцету, Пильц успешно обходился тинктурами и экстрактами из различных лечебных трав. В безнадежных случаях, когда больного спасти было практически невозможно, мы применяли метод «лечения подобного подобным». Я научился выделять *Vis talis*. С великой благодарностью к Всемогущему Господу нашему, могу признаться, что во многих случаях нам удавалось спасти больного. Увы, это удавалось не всегда. Выделяя «энергию смерти», мы не могли определить точное место в теле человека, на которое следовало её направить. Нам очень не хватало книги великого врачевателя Габе. Но, не смотря на это, мы продолжали наши опыты, хотя нам и было нелегко, но *nihil sine labore* (31)...»

Светлое утро, начало сентября. Пауль, слуга профессора Пильца, прогуливался в Кнайпхофе возле Зелёного моста. В это время из семи мостов Кёнигсберга больше всего народу притягивал к себе именно Зелёный мост — стык между речным и морским портами, откуда открывался замечательный вид на всю гавань — жизненную артерию Кенигсберга, а также Зеленые ворота (32). Издавна повелось, что сюда прибывали гонцы,

развозящие почту, и приходили люди, которые её ожидали. В основном, это были деловые горожане, занимающиеся торговлей. Не так давно в Кнайпхофе начала действовать первая торговая биржа, построенная как раз рядом с этим мостом. В ожидании свежих новостей здесь толпились люди, которые вели оживлённые разговоры. Обсуждались разные вопросы: от состояния здоровья томящегося в темнице Иеронима Рота (33), до скачущих неизвестно отчего цен на соль, рыбу и янтарь, а также сроков поставки пушнины из России. Неподалёку от Пауля два господина беседовали по поводу углубления канала между Кёнигсбергом и Пиллау.

— Прегель углубляли более ста лет назад, — убеждённо говорил один другому. — И этого недостаточно! Большие, тяжёлые суда не проходят, они вынуждены разгружаться далеко до места назначения. Поэтому строятся дополнительные причалы, портовые сооружения! Гораздо проще и выгоднее будет углубить дно канала хотя бы до семи локтей (34)!

— Затея интересная, — соглашался второй. — Вы не первый, кто подает подобную идею... Да, рассуждая по-флотски, Кёнигсберг — это река, выходящая в море, а Пиллау — это уже настоящее море! Покажите ваши расчёты (35)...

Пауль рассеянно смотрел на выкрашенные в зелёный цвет опоры моста. За более чем двадцатилетнюю службу у профессора, он занимался не только домашними делами, но привык выполнять и другие, не совсем обычные поручения. А именно, принимать письма от каких-то тайных посланников. Старый слуга не вникал в дела профессора, хотя краем уха слышал, что корреспонденцию ему передают люди, связанные с таинственным Братством каких-то «мыслителей», или *addito sodalium disputatores* (36), как его называл сам Пильц. Ещё он что-то говорил о Братстве Гиацинта, но, было похоже, речь шла об одной и той же организации. Что это за сообщество, и чем оно занимается, у Пауля не хватало духу поинтересоваться, но он подозревал, что за этим братством тщательно присматривает другое, именуемое «Святой инквизицией». А вот с ней-то никто не хотел иметь никаких трений.

В утреннем небе раздавались пронзительные крики чаек. Послышался цокот копыт и скрип колёс — к зернохранилищу потянулись лёгкие и тяжёлые повозки. Свежий ветерок донёс аппетитный, дразнящий ноздри запах со стороны коптильни. Невдалеке от моста старый хозяин книжной лавки своим дребезжащим голосом начал зазывать покупателей:

— Знаменитая новинка! Книга испанца Сервантеса!..

Вот мимо прошли мальчишки с корзинами, наполненными свежевыловленными угрями и раками. Было ясно: рыбаки проверили поставленные на ночь ловушки. Пауль подумал, что неплохо бы купить несколько рыбин на обед, но в этот момент его окликнули.

— Здравствуйте, дорогой Пауль! Раз меня встречаете вы, значит, профессор опять занят! — произнёс с лёгким славянским акцентом сошедший с моста молодой человек в помятом дорожном костюме, в шляпе, и с короткой шпагой на боку.

За последние два года слуга Пильца несколько раз общался с этим человеком. И он ему нравился. Вид молодого и жизнерадостного лица сразу избавил Пауля от горестных раздумий.

— Рад видеть вас, герр Новак, — улыбнулся в ответ слуга. — Я полагал, что вы прибыли морем. Но у вас такой вид, словно вы путешествовали верхом...

— Вы правы, мой друг. Я добирался по суше. И сейчас напрямик из Варшавы. Как ваши дела, как поживает профессор Пильц, чем он занят в настоящее время? — говоря эти слова, господин Новак вынул из куртки свёрток и протянул его Паулю. — Здесь то, что он просил. Сведения об интересующем его предмете.

— У нас всё в порядке: профессор читает лекции в университете и занимается практикой. А сейчас у него важные дела в госпитале иезуитов... Несколько тяжелобольных... А разве вы не заглянете в его дом? Он будет чрезвычайно рад вас видеть...

— Увы, мой дорогой Пауль, — широко улыбнулся Новак. — Не сейчас. Может быть, ближе к вечеру.

— Простите меня, герр Новак, — Пауль спрятал свёрток в сумку. — Мне хотелось бы задать вам ещё один вопрос, если вы не очень торопитесь.

Молодой человек улыбнулся ещё шире:

— Спрашивайте, дружище, и пойдёмте к Кузнечному мосту. Мой, да и ваш тоже, путь лежит как раз через него. Что за сомнения вас одолевают, уж не хотите ли вы вторично женить вашего хозяина? — он рассмеялся.

— Меня беспокоит то, что профессор общается с членами некоего Братства мыслителей... или Гиацинта. Возможно, что он сам член этого Братства. Я не решался спросить его лично, но, думаю, вы сможете мне объяснить... Я подозреваю, что это еретическое сообщество... — он понизил голос, — и ему может угрожать Святая инквизиция!

Улыбка исчезла с лица молодого путешественника. Правда, ненадолго. Она появилась вновь, но уже не была столь сияющей.

— Мой друг, вы задали довольно коварный вопрос...

— Поверьте, я беспокоюсь о репутации и жизни профессора... и, чего уж греха таить, за свою собственную. И, судя по вашей реакции, дело не такое уж безобидное?

Новак оттеснил Пауля в сторону от дороги, пропуская карету, взял его за руку, строго и пристально посмотрел в глаза.

— И что же вы хотите узнать о *Addito sodalium disputatores*, сударь?

Бедному слуге показалось, что его сейчас проткнут шпагой. Но он нашёл в себе силы ответить твёрдо и кратко:

— Только то, что члены Братства ничего не замышляют против Церкви, и что профессору Пильцу не угрожает никакая беда.

— Успокойтесь, Пауль, — Новак ослабил хватку. — Профессор не член Братства... Но симпатизирует нам. А мы, в свою очередь, рады помочь ему... Наша организация отнюдь, не сатанинская. Она включает в себя много просвещённых людей во всех концах Европы... Видите ли, Пауль, вот вы, например, согласны с

тем, что Господь создал человека по своему образу и подобию?

— Конечно, раз об этом сказано в Библии...

— Не забывайте, что Господь был Творцом. Стало быть, и человек — тоже Творец! Взгляните на это прекрасное здание Кафедрального собора. Замысел его создания и вдохновение — это от Господа. А строили его руки простых мастеров. Руки таких же горожан, как и вы, Пауль. Тоже самое можно сказать и о полотнах да Винчи, и о поэмах Гомера. Но... некоторые творения человечества Церковь считает еретическими, направленными против Господа... Философ старается понять мир, объяснить, как он устроен... В этом нет ничего предосудительного, ибо таким человека создал Господь... И за то, что философ считает, будто Бог присутствует не только в душе каждого человека, но и в капельке росы на зелёной былинке, в родниковой воде, утоляющей жажду путника, в шуме морского прибоя... за это философа сжигают на костре. Другой исследователь, изучающий законы движения небесных тел, утверждает, что наша Земля — это шар, который вертится вокруг своей оси! Вместе с другими небесными телами... Церковь, не в состоянии опровергнуть это утверждение, готовит костёр и для него...

— Да, я слышал что-то подобное...

— Ваш хозяин — профессор, умный и образованный человек. Он врач! Он хочет знать, как устроен человек, чтобы успешно его лечить. Но если он воскресит умирающего, вернёт его к жизни, значит ли это, что он может считать себя равным самому Создателю? Не будет ли это считаться ересью? Не лучше ли и его отвести на костёр?... — Пауль молчал, а Новак продолжал: — Вот мы и объединились, мыслящие и просвещённые люди, чтобы помогать друг другу. И если мы не всегда можем спасти кого-нибудь от судилища и жестокой смерти, то пытаемся сохранить хотя бы мысли этого человека. Мысли, запечатлённые на бумаге, полотнах картин, в музыке, стихах... Вы понимаете меня?

Пауль кивнул.

— И всё же ваша деятельность несколько противоречит учению католической церкви...

— Противоречит мнению некоторых служителей этой церкви, — поправил Пауля Новак, — ...таких же людей, как и мы с вами, которым свойственно и ошибаться, и грешить. Но *tempora mutantur* (37). Лет десять назад я не осмелился бы с вами заводить этот разговор, а ещё чуть ранее... даже думать об этом было бы чрезвычайно опасно. Однако повторяю, — *tempora mutantur*. Наше Братство существует более ста лет, и нами было спасено для потомков немало

бесценных творений человеческого разума. — Новак стал очень серьёзным. — Нам было нелегко и в те времена, и сейчас. Люди, именующие себя «служителями Церкви», считают, что человек, который воплощает на бумаге или холсте... или в иных образах то, что подсказано ему самим Господом, может считаться поклонником Дьявола, если то, что он творит, не нравится этим людям. Они сжигают на кострах не только самих гениев, но уничтожают их произведения, их мысли, учение... Вы, Пауль, старый солдат, участник нескольких батальей, вас после тяжкого ранения вырвал из лап смерти доктор Пильц, и за это вы приняли решение служить ему всю оставшуюся жизнь — это в высшей степени похвально. Видите ли, то, что я передал вам — это всего лишь сведения об одной важной медицинской книге. Автор был несправедливо казнён, но мысли, которые выразил в этой книге великий философ и врачеватель, помогут и доктору Пильцу, и другим врачам лечить людей, возвращать их к жизни, так же, как Пильц в своё время спас вас. К сожалению, завладеть самой книгой нам не удалось, и, видимо, она повторит судьбу ее создателя... Но, во всяком случае, мы теперь знаем, где её искать!

Они остановились. Пауль должен был продолжить путь в Лёбенихте, а его молодой

спутник уже высматривал экипаж, чтобы умчаться в другом направлении.

— Я ответил на ваш вопрос? — вновь улыбнулся член тайного Братства.

— А причём тут гиацинт?

— Камень гиацинт, или циркон, олицетворяет мудрость... И не только мудрость, но богатство и славу, которые даёт человеку мудрость и знания.

— Да, благодарю вас, герр Новак... Я хотел вам ещё сказать...

— Что же?

— Если вам понадобится моя помощь в поисках этой волшебной книги, ради профессора Пильца я готов пожертвовать чем угодно...

— Спасибо, дорогой Пауль. У нас в Кёнигсберге есть свои люди, они постараются справиться и без вас. А сейчас, прощайте... Вечером я загляну к профессору!

— Храни вас Господь, сударь.

Глава 6. Тень книги и события на бранденбургской дороге

Два месяца профессор Пильц и Иоганн провели в госпитале иезуитов (38). Обосновавшись в Вармийском епископстве, члены Ордена занимались, в основном, благотворительностью и миссионерством, вовлекая протестантов в лоно

католицизма. Но это — внешняя, видимая сторона их деятельности. Известно, что главной задачей Общества Иисуса являлось возрождение и укрепление католической веры, весьма пошатнувшейся в борьбе с лютеранством, и беспощадная борьба с ересью.

Иоганну Майбаху не были известны все тонкости религиозного противостояния, но монахи-иезуиты производили на него неприятное впечатление. Было очевидно, что Орден старается привлечь внимание правителя Восточной Пруссии Фридриха-Вильгельма к собственным проблемам, показывая усиленную богоугодную деятельность, ради которой и были призваны в госпиталь важные медицинские персоны из Кёнигсбергского университета.

Профессор Пильц, вместе с несколькими магистрами и бакалаврами, довольно успешно врачевал в госпитале, излечив не один десяток больных, чем, несомненно, поднял престиж, как самого госпиталя, так и собственно Общества Иисуса. И вот, позади один из самых тяжёлых дней. Сегодня не обошлось без применения ланцета и иных хирургических инструментов: один больной — каменщик, получил серьёзные травмы, упав со строительных лесов при возведении северного бастиона Кёнигсберга, а второй — крестьянин из Ломзе, поехавший на рынок в Альтштадт, попал

под лошадь возле Деревянного моста. Обоим была оказана необходимая помощь, наконец, оставив больных на попечение монахов, врачи стали расходиться по домам.

— Мы славно поработали, Иоганн. — Я вижу, что ты становишься настоящим врачом, — хвалил ученика Пильц. — Твои обезболивающие тинктуры действуют просто волшебной!

— И всё же, мне кажется, что вы чем-то озабочены, Учитель. Устали?

— Да, Иоганн, немного устал... Впрочем, ты прав... Кое-что меня действительно тревожит...

Солнце клонилось к закату, но вечер был удивительно светел. Казалось, что светило, приблизившись к горизонту, увидело на «той стороне» нечто, что заставило его радостно брызнуть яркими лучами, окрасив черепичные крыши домов, устремлённые к небу шпили, и весело отразиться в стёклах окон.

— Так что же все-таки случилось? — забеспокоился Иоганн.

— На днях я получил известие от моих друзей из Братства камня Гиацинта... Книга Габе находится на пути в Кёнигсберг. Её уже вывезли из Тильзита.

— Значит, представится возможность на неё взглянуть? — обрадовано спросил Иоганн.

— Увы, мой мальчик, — Пильц был хмур. — Её везут по заказу Ордена иезуитов. Они закупили партию книг для собственной гимназии. Но эта книга, как и несколько других, признанных еретическими, будет сожжена здесь, в Кёнигсберге после публичного осуждения... Как будто мало того, что поглумились над её автором...

Но оказалось... *habent sua fata libelli* (39)...

Я наводил справки, искал возможность купить её за любые деньги... Но всё напрасно, только привлёк к себе излишнее внимание...

— И что же, ничего нельзя сделать?

— Пока сложно сказать, Иоганн. Люди из Братства проследят её путь к монахам. А там... попытаемся ещё раз... Тебя отвезти в Альтштадт? — Профессор и его ученик остановились у кареты Пильца. Сидящий на козлах Мартин приветливо кивнул юноше.

— Нет, спасибо, профессор. Я лучше пройду пешком. Погода чудесная, и до темноты ещё далеко.

Они попрощались, и Иоганн зашагал по направлению к дому, с удовольствием ловя лицом волны лёгкого вечернего ветра. Проходя по мосту через Голубой ручей, он остановился на его середине и взглянул вниз, на воду. Со дна водоёма поднимались мелкие пузырьки. «Вот так же и мы, — подумал Иоганн, — всё стремимся

вырваться из мрачных глубин и взмыть ввысь, а как окажемся на поверхности, так и лопаемся...» Его захлестнуло чувство безысходности. Кажется, вот она, заветная книга, плод чьих-то грандиозных многолетних изысканий и твоя великая мечта... вот она, совсем близко... Но попробуй, возьми.

Сойдя с моста, Иоганн решил, что по пути домой непременно заглянет в кабачок «Усы сома». Он давно не видел своих товарищей по студенческой скамье. Неплохо бы посидеть в их компании и хотя бы на несколько минут забыть о потере. Или, точнее, о несостоявшейся находке. Тем более что сегодня монахи неплохо заплатили докторам.

Прохожие, встречавшиеся ему на пути, тоже радовались приветливому сентябрьскому вечеру. Они прогуливались неторопливо, с достоинством. Разговаривали друг с другом степенно, негромко... Впрочем, как и во всяком другом городе, возле питейных заведений не обходилось порой без ругани, пьяных выкриков и плача. Глубоко вздохнув, бакалавр направился мимо шорной мастерской по брусчатке в сторону Альтштадта.

— Иоганн Майбах! — внезапно послышалось сзади. Этот голос Иоганну был очень хорошо знаком.

— Вольфганг Шёнебург! Вот это встреча! — Старые приятели обнялись.

Вольфганг к тому времени уже окончил университет и работал помощником нотариуса на Липовой аллее в Росгартене, однако планировал переселиться в Кнайпхоф. Отчаянный искатель приключений в студенческие годы, он остепенился и приосанился, но по-прежнему не мог скрыть свой бесшабашный характер и умение отыскивать опасное и рискованное в повседневной рутинной жизни... «Пусть другие способны на великие мысли, зато я — на великие поступки!» — таков был его девиз в студенческие годы. Несколько минут приятели стояли, обнявшись, и расспрашивали один другого о том — о сём, словно раньше являлись близкими друзьями, хотя на самом деле, это было не совсем так. Тем не менее, оба искренне радовались встрече.

— Если ты решил посетить нашу старую пристань под названием «Усы сома», то нам как раз по пути! — смеялся Вольфганг. — Как поживает наше университетское братство? Много ли выпитого пива, разбитых носов и достойных пера Шекспира подвигов?

— Наше братство не теряет форму. Иногда, правда, приходится учиться и даже трудиться, но потом мы с лихвой восстанавливаем справедливое соотношение между обязанностями и бездельем! Сейчас нас около тридцати человек. Адрес нашей штаб-квартиры не изменился, место встреч и

отдыха, тоже прежнее. И мы направляемся именно туда!

— Отдадим же должное Бахусу! — прозвучало, как призыв к атаке.

Остаток вечера Иоганн провёл в весёлой компании студентов. Здесь был его сокурсник Петер Грюн, житель Лаака, студент курсом помладше Томас Кунц, проживающий, как и Иоганн, в Альтштадте, и ещё пятеро парней разных факультетов и курсов, но объединённые одним землячеством. С появлением Вольфганга и Иоганна, непринужденно-праздничная атмосфера заведения вспенилась, подобно свежему пиву, и, перелившись через край, заполнила собой всё пространство уютного кабачка.

Но, ни громкие разговоры и смех, ни выпитое вино не смогли заглушить мысль, которая неожиданно родилась в голове Иоганна Майбаха. И вот, в самый разгар веселой пирушки она вдруг предстала перед ним во всей своей красе... Иначе и быть не могло: ей нужно было только окончательно оформиться и окрепнуть... Да, существует решение! Есть, есть возможность завладеть старинной книгой!

Стол перед молодыми людьми был уставлен рядами опустошенных бутылок, убирать которые до окончания пирушки не разрешалось. Так уж было заведено, только это никого не печалило, даже

наоборот — безмерные винные шеренги являлись особой гордостью и славой корпорации. Не мудрено, что после таких пиршеств частенько тянуло на «подвиги»...

Старый возница, Михель устало понукал тяжело бредущую лошадь, по имени Мильхен, запряжённую в крытую повозку, на которой даже в это тёмное предрассветное время весьма отчётливо виднелась эмблема в виде «пылающего сердца» (40). Впереди возка горели два фонаря, освещая путь и предупреждая встречные экипажи о соблюдении мер осторожности. Дорога Бранденбург — Кёнигсберг никогда не отличалась особыми удобствами и безопасностью для путников, поэтому возница зорко поглядывал по сторонам. Хотя самое опасное темное время суток подходило к концу, и самый тревожный участок дороги был уже позади, Михель был настороже: «Чёрт дёрнул этого проклятого монаха отправиться в путь ночью! Срочный груз, видите ли, который нужно доставить к утру!»

Сам Михель не отличался кротким нравом. В молодые годы он тоже был не прочь полихачить на пустынных дорогах. Но, подальше от этих мест — в Польше. Теперь же он служил у монахов и был бы вполне доволен своей участью, если б не эти срочные и тайные поездки. Да и монах, который

лишь делает вид, что спит, укрывшись в глубине войлочного фургона, внушает не меньший страх, чем возможные грабители. А как он вчера вечером доказывал необходимость немедленного убытия! Монахи-доминиканцы советовали подождать до утра, убеждали его переночевать под надёжной монастырской крышей, воздав молитвы Господу и Пресвятой Деве Марии, да пригубив после вечерни доброго тильзитского пива. В ответ иезуит проскрипел мерзким деревянным голосом, что он отвечает за прибытие ценного груза головой, и так сверкнул очами, что показалось, будто блеснуло хорошо отполированное лезвие кинжала. «Я везу книги для гимназии Общества Иисуса! — брызгал слюной монах. — Гимназия делает людей образованными! Она учит детей любить Христа! Кто этого не понимает, тот — еретик! Разве может быть более отвратительное преступление, чем ересь?» И это в присутствии братьев-монахов, конюха и прислуживающих на кухне молодых послушников! Все, конечно, с ним соглашались. Кому охота связываться с бесноватым иезуитом. И вот, как следствие, — поездка по полной опасности ночной дороге. Хотя, если бы монах имел при себе пару заряженных мушкетов, это вполне бы меняло дело.

Книги! Монах везёт книги. Ничего себе, «ценный груз»! Правда, Михель вспомнил, как в

Кнайпхофе один человек приобрёл книгу в лавке, выложив за неё такую сумму, за которую можно было бы купить хорошую лошадь взамен Мильхен. За содержимое тех двух ящиков, что лежат в повозке, наверное, можно получить немало монет, если на них, конечно, найдётся достойный покупатель. Но истинную цену большим и малым фолиантам, бережно упакованным в плотную ткань, Михель, естественно, не знал.

Сентябрьская ночь прохладна. В небе сквозь прорехи туч тускло блестит луна. Хвала Господу, что нет дождя, скоро рассветёт и солнце согреет уставших путников. Пусто на дороге, темно. Ничего, ещё немного, и покажутся Бранденбургские ворота. Тишина. Лоскуты тумана повисли на придорожных кустах. Кажется, что лес заколдован...

Камень, брошенный сильной и умелой рукой, ударил Михеля прямо в висок. Тот, охнув, свалился с повозки в заросли ежевики. Тотчас из тьмы возникли чьи-то фигуры. Три человека запрыгнули в повозку. Один схватил вожжи и остановил лошадь, двое нырнули внутрь покрытия. Монах, ошеломлённый столь внезапным нападением, пытался сопротивляться, но, получив мощный удар в лицо, затих.

— Отменно сработано, — произнёс один из нападавших. — Свет!

Осветив фонарём, снятым с передка повозки, перевозимый иезуитом груз, нападавшие заинтересовались ящиками с книгами.

Возница и монах не подавали признаков жизни.

Сначала был открыт один ящик, затем второй. Явно, налетчики что-то искали среди книг. Через некоторое время один, держащий увесистый манускрипт в руках, так, чтобы свет от фонаря давал возможность разобрать написанное, произнёс:

— Вот она! Габе... Что ж, профессор Пильц будет доволен!

— Это всё? — спросил один из его соратников.

— Да, бежим!..

Глава 7. Последствия безрассудного поступка

«...Действуя самовольно, без ведома профессора, я со своими товарищами-студентами похитил заветную книгу и передал её Учителю.

28 сентября 1672 года профессора Пильца арестовали. Монах, притворившись оглушённым, слышал, как я неразумно назвал имя своего Учителя. И вот, к нему в дом пришли иезуиты в сопровождении полиции (41). В руках профессора

была та самая книга врача Габера, которую и опознал монах-иезуит. Отпираться было бесполезно. Пильца заточили в Голубую башню (42)...»

— Я слышал, что вы арестовали моих слуг, господин полицейский?

— Увы, мой дорогой профессор, — с натянутой улыбкой произнёс чиновник. — Мы проводим дознание, в процессе которого должны выяснить все обстоятельства этого... непростого дела.

— Но, кажется, я вам достаточно ясно всё объяснил.

— Да, исходя из ваших слов, вы искали именно эту книгу в различных книжных лавках... Интересовались у собирателей старины... Услышав ваш разговор с торговцами, некто, чью внешность вы не запомнили...

— Именно, он был в плаще, с поднятым капюшоном... Я видел лишь его подбородок... Вам описать его? Длинный, вытянутый, немного скошенный вправо...

— ...неожиданно предложил вам свою помощь. Иными словами, он находит книгу и доставляет её вам. При этом вас не должно было волновать, каким способом будет приобретена

книга тем человеком, пусть даже преступным...
Кстати, как дорого он оценил свои услуги?

— Откровенно говоря, он произвел впечатление отчаянного и грозного человека, поэтому я сам предложил ему 100 флоринов...

— Вот как? И вы их ему заплатили?

— Разумеется, я же честный человек. Он принёс мне книгу и получил свои деньги. Сделка состоялась. А вскоре прибыли священники иезуиты в сопровождении местной полиции... В тот злополучный день, 25 сентября днём я читал лекции в университете, весь вечер провёл у себя в кабинете, а ночь — в собственной спальне. Мои слуги готовы это подтвердить... Поэтому я настаиваю на немедленном моём освобождении. И отпустите мою прислугу! В этой башне находиться невыносимо! Здесь можно легко подхватить лихорадку! Рядом со мной содержится девочка, обвиняемая в колдовстве! Но ей нет и четырнадцати лет!..

— Успокойтесь, дорогой профессор. Могу вам сообщить, что, учитывая ваши заслуги перед городом, а также прислушиваясь к благоприятным рекомендациям от некоторых уважаемых людей... и, конечно, принимая к сведению то, что вы непосредственно не участвовали в самом преступлении... мы могли бы отпустить вас сегодня же. Но...

— Что же вам мешает?

— Орден, дорогой профессор. Вы перешли дорогу могущественному Ордену. И хотя иезуиты здесь не чувствуют себя полноправными хозяевами, такими, как, скажем, в Испании, всё же достаточно влиятельные покровители у них имеются. Должен поставить вас в известность, что кое-кто из иезуитов специально прибыл в Кёнигсберг, чтобы принять участие в дознании. Они уверены, что вы подговорили своих слуг, а именно: конюха Мартина Лёве и Пауля Вассермана совершить данное преступление. Скорее всего, был и третий исполнитель. А поскольку одним из ваших близких друзей является студент Иоганн Майбах, то весьма вероятно, что он и был третьим соучастником. Слышите, шаги в коридоре? Сюда идут слуги Христа... Держитесь уверенно, будьте спокойны, говорите обдуманно. Я на вашей стороне, но всё же...

Дверь раскрылась, и чиновник сразу умолк. Дальнейшее разбирательство происходило в присутствии двух людей в черных одеяниях. Первым из вошедших был человек невысокого роста, лет пятидесяти, облачённый в сутану с эмблемой «пламенеющего сердца». Его тяжелая челюсть как бы «упиралась» в широкую грудь. Шаг был стремительным и шумным, а тело словно намеревалось протаранить какую-то незримую

стену. Вся эта зловещая фигура представляла собой сочетание внутренней мощи и отсутствия гибкости, каждое движение которой было значительно сильнее, чем нужно. За ним следовал писарь, с походкой крадущегося злодея, держащий в худых руках листы бумаги и перья. Казалось, что его тщедушному телу, отводилась роль лишь подставки для крупной лысой головы.

Первый, сделав два шага в направлении стола, за которым сидел Пильц, а в непосредственной близости от него стояли полицейские и чиновник, ведущий расследование, внезапно остановился, словно наткнулся на невидимую преграду. Глаза его округлились, рот исказился в невыносимой гримасе, означающей высшую степень омерзения и брезгливости.

— Ты еретик, Пильц! — прорычал иезуит.

— Присаживайтесь, господа, — нарочито вежливо пригласил вошедших юрист-дознаватель. — Вы знакомы с подозреваемым?

— Мы прекрасно знакомы, — прошипел член Общества Иисуса. — И очень давно.

— У нас с отцом Варфоломеем давняя дружба, — улыбнулся в ответ Пильц. — Непонятно только, святой отец, зачем вам понадобилось тащиться сюда из Парижа? Пруссия — светское герцогство. Какие важные дела могут быть у

католика в стране, где исповедуют лютеранство? И каким образом вас задело это дело, ведь мы с вами закончили наше общение много лет назад...

— Всё узнаешь, еретик... Я прислан сюда для оказания помощи в ведении расследования самим епископом Вармийским... И это согласовано с бургомистрами Лёбенихте и Кнайпхофа.

— Позвольте, отец... Варфоломей, — взял слово судебный чиновник. — С чего вы взяли, что нам понадобится чья-то помощь?

— Вы расследуете нападение на монаха с целью завладения книгой...

— Именно так. Согласно уложениям «Каролины» (43), это — преступление против собственности, причём, следствие располагает данными, что подозреваемый никак не связан с нападавшими. Злоумышленники взялись доставить ему книгу, а уж каким способом это будет сделано, он просто не мог знать. Профессор Пильц — человек, уважаемый в нашем городе и найдётся немало людей, готовых замолвить за него доброе слово. Ибо поступки профессора — это поступки добропорядочного горожанина, к тому же, врача и наставника молодежи. Следствие вообще сомневается в причастности его к совершённому преступлению... Прямых свидетелей, как оказалось, не имеется, поэтому мы рассматриваем вопрос о прекращении этого дела в связи с

недоказанностью участия профессора Пильца в данном злодеянии.

Наступила пауза. Иезуит сверлил глазами подследственного, пытаясь проткнуть его взглядом, словно шпагой. Сидящий подле него монах отчаянно скрипел пером по чистому листу, нанося на бумагу ровные строки.

— Ты уже профессор, Пильц... — скривился, как от зубной боли, дознаватель от Церкви.

— Я рад, что вы это заметили, святой отец. Я — именно профессор, а не крайбиттер (44), как вы, видимо, подозревали ранее...

— Рано радуешься, Пильц. Полагаю, это дело будет рассматривать Хофхансгерихт, то есть, суд по особо тяжким преступлениям, — проговорил иезуит. — Совершено преступление против Господа, следовательно, неминуем инквизиционный процесс. И пора начать стадию специального расследования. Ибо дознание и общее расследование можно считать завершёнными, хоть вы (гневный взгляд в сторону полицейского чиновника) и не добились никаких результатов. Но это неважно. Не забывай, что в наших руках находятся главные подозреваемые. Если к ним применить пытки, на что прямо указано в статьях 16, 20, 25, 27, 28, 44, 53... и в других, предусмотренных «Каролиной», то и результат не

замедлит появиться. В виде веских и неопровержимых доказательств!

Юрист-дознаватель, заметно смутившись, осведомился:

— «Каролина» рассматривает религиозные преступления, такие, как богохульство... статья 106, клятвопреступление, статья 107... и колдовство, статья 109. Но ересь сегодня нами не рассматривается. По-вашему, какое из вышеуказанных преступлений совершил доктор Пильц?

— Все вышеперечисленные! — закричал иезуит. — В самом мерзком и гнусном их проявлении!

— При всём уважении к Обществу Иисуса и почитании Господа нашего мне трудно поверить в столь тяжкое обвинение, которое вы бросаете профессору...

— А вы знаете, что это за книга, за которой охотился Пильц?! — Иезуит вскочил со стула, при этом едва не упал подсвечник с горящими свечами. Писец испуганно отпрянул в сторону. Полицейский чиновник тоже с трудом сохранял спокойствие. — Это страшное сочинение бесноватого еретика Габе! Он тоже был врачом, пока в него не вселился дьявол!..

— Мы сейчас не рассматриваем дело еретика Габе...

— Доктор Пильц не зря разыскивал эту книгу! В ней человеческое тело представлено, как географическая карта! — голос обвинителя стал приторно сладким, а его неподвижный холодный взгляд завис перед лицом полицейского, как бы немного до него не дотянувшись. — С одной стороны, это хорошо для изучения строения человека, чтобы понимать, как его правильно лечить. Но!.. В книге Габе кроме известных органов, таких, как сердце, лёгкие, печень, указаны места, в которых сокрыта человеческая душа! Вы это понимаете? Из-за желания обнаружить прямой доступ к душе христианина врачеватель Габе был сожжён, как еретик, почти двести лет назад! Но появился другой врач! Он тоже захотел лечить человеческое тело путём осквернения его души! И развил свою дьявольскую теорию! Вот он, этот врач, — отец Варфоломей кивнул в сторону Пильца. — Ему понадобилась еретическая книга затем, чтобы найти точки в теле человека, через которые он может воздействовать на душу! Он собирался торговать человеческими душами с самим Дьяволом! Кто-нибудь может доказать, что это не так? — И, воспользовавшись тем, что никто его не перебивает, продолжал более спокойно: — Пильцу был нужен ученик. И он у него появился. Наш брат, пострадавший при нападении, слышал голос молодого человека. Следовательно, не

вызывает сомнений, что одним из нападавших был студент Иоганн Майбах, являющийся учеником и последователем Пильца в его сатанинских изысканиях! Надеюсь, Майбах тоже арестован. Советую взять под стражу и его родителей! Палач поможет нам найти улики и доказательства! Прорастающие зёрна, брошенные Пильцем в почву колдовства и еретичества, должны быть вырваны с корнем! На это выразило надежду Вармийское епископство! И его Святейшество! Поэтому я нахожусь здесь с предоставленными мне полномочиями, и буду придерживаться единственной цели — полного искоренения ереси!

«...На допросах профессор умолчал об истинном положении дел. Он настаивал на том, что не был знаком с лицами, которые напали на повозку иезуитов. Мол, сам виноват в случившемся, потому что безрассудно нанял каких-то людей для похищения книги... Я собирался пойти к следователю, покаяться и признаться в содеянном... Но это не помогло бы Пильцу, погубило бы меня и моих товарищей — студентов из нашего братства. Тогда я решил хранить молчание. Позже, когда мне удалось увидаться и поговорить с профессором, он подтвердил правильность моего поступка...»

— Вот видишь, мой дорогой Иоганн, как всё заканчивается... Ты не кори и не суди себя, Господь на твоей стороне. Ты задумал благое дело, и пусть совершенно преступление, но... оно было содеяно во имя великой цели. Даст Бог, и я тоже выберусь из этой костедробилки... Но... мы связались с иезуитами, а это — тройная неприятность. Что ж, продолжай наше дело: лечи людей, ищи, добывай знания и применяй их во благо... Выбрав свою дорогу, не сворачивай на другую. *Ave atque vale!* (45)

Пилец выглядел ужасно: кисти его рук были обмотаны грязными, в буро-красных пятнах тряпками, скулы в кровоподтеках и ссадинах, передние зубы отсутствовали, отчего изменились все пропорции лица, а произносимые звуки стали шипящими и глухими... Он сильно постарел и осунулся, исхудал, даже — высох. Иоганн вдруг поймал себя на мысли, что его учитель выглядит, словно скомканная бумага: помятый и исписанный лист... Потное, бледное лицо со следами побоев, безуспешно пытающиеся растянуться в грустной улыбке потрескавшиеся губы... Но вот взгляд... Только спокойный и добрый, словно лучащийся и согревающий взгляд Учителя оставался прежним — уверенным, мудрым... отеческим...

Молодой бакалавр, чудом избежавший похужей участи, благодаря упорству и стойкости профессора, не смог сдержать рыданий:

— Профессор, я благодарю вас за все, что вы для меня сделали! Вы мой самый близкий человек и всегда будете мне дороже отца и матери! Простите меня, Учитель...

— Позаботься о несчастной Лизхен, Иоганн...

В глухом, сыром каземате воцарилась тягостная тишина...

Профессор Пильц умер в темнице 31 января 1673 года.

«...Начиная свои исследования, я надеялся найти лекарство для исправления человеческой природы и избавления людей от болезней и пороков. Я хотел изготовить средство, чтобы победить зависть и злобу, жадность и бедность, остановить распри и войны. Мне это почти удалось, но...

Подобно раздвоенному языку змеи — древнему символу медицины, мое дерзкое открытие может быть употреблено, как во благо, так и во зло... Поэтому я никогда не открою свое страшное знание ученикам и потомкам, дабы никто не смог воспользоваться им во вред роду человеческому. И пусть никто не думает, что такое решение далось мне легко...»

Часть 2. Тайна старинной книги

Глава 8. Обретение рукописи

В 1939 году Германия развязала очередную кровопролитную войну. На этот раз, самую масштабную и жестокую в истории человечества, в огне которой погибли миллионы людей и были стерты с лица земли тысячи городов.

В августе 1944 года авиация союзников попыталась сравнять Кёнигсберг с землей. В ходе ковровых бомбардировок были разрушены четверть промышленных объектов и почти половина всех зданий города-крепости. Исторический центр города, особенно районы Альтштадт, Лёбенихте, и Кнайпхоф, был полностью уничтожен. Королевский замок, старое и новое здания Кёнигсбергского университета, все кирхи старого города были превращены в руины. В безжизненные стены превратился и Кафедральный собор. Город, словно тяжелораненый солдат, медленно умирал. Жизнь уходила из него через многочисленные раны, нанесённые тротилом и напалмом. 9 апреля 1945 года Кёнигсберг был взят советскими войсками, а в сентябре по решению Потсдамской конференции он стал частью СССР.

Вскоре, Кенигсберг, а это слово звучало для многих, как брань и вызов, переименовали в Калининград, Прегель в Преголю (так казалось — более «по-русски»), Штайндам в Ленинский проспект... Замок и памятник королю Вильгельму снесли, а в Альбертине стали преподавать марксизм-ленинизм...

«Зачем нам Кант, Гофман, Гайдн, Глюк, Брахерт и другие?», «Долой былых кумиров!», «Мы наш, мы — новый мир построим!..» — кричали на партийных митингах борцы с «немецщиной»... Так памятник Шиллеру во время штурма города спасся лишь благодаря надписи: «Не стрелять! Это — пролетарский поэт!» Но все равно шальной снаряд угодил поэту прямо в горло, после чего в народе долго бытовала шутка: «Наливать всем, кроме Шиллера — у него все равно из глотки вытечет».

Так, на месте бывшей столицы Восточной Пруссии возник советский город (46). Он был возрожден из пепла войны трудом и талантом нескольких поколений россиян — творцов его новой, мирной истории... С тех пор эта земля дала миру немало выдающихся людей: поэтов и художников, ученых и покорителей космоса (47). Однако это были представители уже совершенно иного народа...

Развалины, о которых пойдет речь, были расположены между улицами: Пролетарская, Минская, Пороховая и Астрономическая. Большие и малые, полностью и частично разрушенные строения были местом, чудесным образом, манящим вездесущих мальчишек. Выросшие на этих улицах хрущёвки окружали палисадниками и огородами, а вот мест для игр и гуляния у сорванцов практически не было. Поэтому пацаны стремились проводить свободное время на руинах. «Сашка, ты куда?» — «На развалку, мам, гулять!» «Смотри, чтобы через час был дома. Осторожнее там!» — это уже вдогонку. Сашки, Витьки, Серёжки, Валерки, Вовки устраивали на «развалке» увлекательные игрища. Нужно разжечь костёр — пожалуйста! Нужно устроить обломками кирпичей «артиллерийский обстрел немецких танков» (это — тоже кирпичи, только один побольше, а другой поменьше — башня) — запросто! Захотелось исследовать в поисках пороха, патронов, немецких крестов и других ценных предметов внутренности разрушенного дома — будьте любезны! А находили немало: стволы карабинов, дырявые немецкие каски, снаряды и патроны, разбитые часы, монеты и награды...

Однажды такой малолетний исследователь забрался через зияющую пробоину в подвал разрушенного немецкого дома, где среди груд

щебня и обломков кирпича обнаружил чудом сохранившийся деревянный ящик. С большим трудом дотошному искателю исторических ценностей удалось его открыть. В недрах треснувшего и подгнившего ларца, тщательно замотанная в непромокаемую бумагу и куски брезента, лежала книга — толстый и довольно увесистый фолиант в кожаном переплёте с двумя металлическими застёжками. Принес счастливый добытчик свою находку домой, показал родителям. «Тащишь в дом всякую гадость, — проворчала мать — немедленно выброси её на улицу!». «Нет, не спеши, — сказал рассудительный отец, раскрыв книгу и вглядываясь в страницы, на которых было что-то написано по-немецки. — Любопытная книга... Очень старая. Возможно, она представляет историческую ценность... и даже материальную... Кто знает, а вдруг тут написано что-то очень важное. Оставим её у себя, потом посмотрим, посоветуемся со знатоками».

И книга была водворена на антресоль в коридоре, между стопки старых номеров журнала «Наука и жизнь», перевязанной шпагатом, и резиновыми сапогами.

Десять лет «любопытная книга» пролежала на этом месте, всеми забытая. Изредка её брали в руки, сдували накопившуюся пыль, иногда даже

раскрывали и... водворяли обратно на антресоль со словами: «Надо бы показать, посоветоваться...»

В течение ещё десятка лет, в жизни привыкшей к одиночеству реликвии мало что изменилось: выезжали из квартиры старые жильцы, появлялись новые хозяева. Изменилось и место её хранения — из коридора она перекочевала в массивный шкаф. В течение следующего десятилетия антикварная книга поменяла свою прописку. Новые хозяева переехали из советской хрущевки в старый, но добротный немецкий дом, отремонтированный и вполне пригодный для жилья. Но прошло ещё несколько лет, прежде чем она попала в руки Андрея Орлова, чрезвычайно любознательного и весьма начитанного молодого человека, врача по профессии и искателя приключений по натуре.

Молодой врач снимал комнату в этом доме. На днях он переехал сюда вместе со своей женой Натальей, и сейчас исследовал книжные полки, пытаясь найти место, чтобы водрузить на них свои медицинские справочники, которые у врача всегда должны находиться под рукой. Необычных размеров, явно старинной работы, фолиант, резко выделяющийся на фоне скромной домашней библиотеки, сразу привлёк внимание молодого специалиста.

— Смотри-ка, Наташа, какая удивительная книга... На первой странице дата — 1724 год... Настоящий раритет! Немецкая... рукописная... Интересно, откуда она у нашей хозяйки?

Чуть позже он убедился, что книга имеет медицинское содержание. Неплохо зная немецкий язык (в школе и в институте по немецкому у него всегда было «отлично»), он заметил, что в книге немецкие слова обильно разбавлены хорошо знакомыми латинскими терминами: названиями минералов, болезней, именами великих врачей...

Осторожно перелистывая пожелтевшие страницы и вглядываясь в ровные, написанные красивым почерком строки, Андрей ощущал необъяснимое волнение. Ему казалось, что он понимает в тексте практически всё, даже без словаря. Незнакомое немецкое слово тут же «находило» выплывший откуда-то из глубин сознания русский аналог. Это было удивительно и захватывающе! Через некоторое время молодой человек понял, что благодаря этой книге далёкий немецкий предок, умудрённый богатым жизненным опытом человек, разговаривает с ним, доверяет ему свои тайны, делится знаниями, даёт важные советы.

На вопрос, заданный хозяйке квартиры, о происхождении данной книги и о том, может ли он её почитать, удивлённая старушка ответила:

— Да читай, коли разберёшь. Откуда она у нас? Да кто его знает... Нашли где-то на развалинах возле Минской улицы. Давно уже. А кто принес, и где он сейчас, разве теперь упомнишь? Читай, читай, Андрюша, если она медицинская... Только, прошу тебя, аккуратно. Книга, видать, дорогая...

Жена Андрея удивлялась, насколько сильно книга увлекла её мужа.

— Орлов, ты уделяешь ей больше внимания, чем мне! — смеялась Наталья.

— Ты так думаешь? — рассеянно отвечал ей муж. — Удивительная книга... Но ты — ещё удивительней!

Действительно, книга странным образом притягивала. Но не только тем, что в ней содержалось много интересных фактов, а еще какой-то непонятной, особой магической силой, которой она, несомненно, обладала.

Перелистывая страницу за страницей, молодой врач стал замечать, что понемногу меняется мир вокруг него. Во всяком случае, казалось, что книга заставляет его смотреть на всё по-другому. И видеть то, чего раньше он попросту не замечал...

Глава 9. Нити из прошлого

— Эх, Андрюша, — вздохнула хозяйка. — А ты знаешь, как в сорок шестом переселенцы заселяли дома? Приезжали, выбирали особняки, кому какой понравится, и занимали... Особняки двух-трёхэтажные, с верандами, а внизу — глубокий подвал... Такими были у немцев, прежних хозяев, дома на одну семью. А наших-то... по три, а то и по пять семей въезжало... Перед домом — двор с мощённой кирпичом дорожкой. Веришь ли, на той улице, на которой мы стали жить, сейчас это улица Тихоненко, во дворах сибирские кедры росли. За домом — сад: яблони, груши, сливы, крыжовник... За садом — огороды... Да, умели немцы обустроить свою жизнь, — вздохнула старушка. — Они-то сначала думали, что лишь на короткое время отсюда уезжают. Поэтому и прятали здесь свои ценные вещи. Некоторым из наших посчастливилось откапывать такие клады в садах-огородах... Ковры, столовое серебро, богатую посуду... Я сама, будучи девчонкой, перелопатила пол-участка. Да только ничего не нашла. Видно, плохо старалась, — она улыбнулась, вспоминая своё детство. — А потом мы разменялись и переехали вот сюда, ближе к центру... А книга эта от старых хозяев осталась,

нашли где-то в развалинах... Только никто на неё никаких претензий не предъявлял. Так и лежит...

— Спасибо, Лариса Владимировна. Эту книгу написал немецкий врач. Есть у него некоторые любопытные рецепты... Вот, хочу проверить... Вдруг старые, забытые лекарства будут сегодня работать не хуже современных препаратов? Тем более, тут все натуральное, никакой химии...

— Читай, Андрюша, читай! Раньше лечить умели. И дешевле, и надёжней... Тем более, немцы... Посмотришь меня на досуге, а то что-то поясницу опять ломит?... — бабка сморщилась, согнулась и потёрла больное место. — Пойду-ка я, пожалуй, полежу...

— Садитесь обедать! — донёся из кухни голос Наташи. — Лариса Владимировна, пока не пообедаете, я вас никуда не отпущу! Андрей! Да положи ты эту книгу на полку!

— Кто бы знал, — пожаловалась молодая женщина хозяйке уже за столом, — что эта древность так приворожит нашего врача! Он и за стол её тащит, и в туалет, и в постель...

— Вот она — злая разлучница! — рассмеялась Лариса Владимировна. — Знатный у тебя борщ, Наташенька. А я люблю в борщ болгарского перчика добавить и фасольки. У нас, на Украине так всегда делают.

— Он у нас диссертацию задумал писать, — с гордостью сообщила супруга Андрея. — Что-то важное нашёл в этой книжке...

— И правильно, пусть пишет. Учёным быть всегда почётно, — согласилась хозяйка. — Сметанки добавь, Наташенька...

Поздним вечером, уже в постели жена прижалась к молчаливому Андрею.

— Что с тобой происходит, милый? О чём ты думаешь? У тебя неприятности на работе?

— Нет, котик, с чего ты взяла?

— Я вижу, что тебя что-то тяготит...

— Успокойся, Наташа... Ничего меня не тяготит. Просто, думаю... Иногда полезно поразмышлять...

— Знаешь, мне надоело твоё постоянно озабоченное лицо... Ты что же, впрямь решил взяться за диссертацию? И всё из-за этой книги?... Ответь, Андрей!

— Диссертация... Нет у меня времени на неё. Работы полно. Но и без диссертации можно добиться значительных... успехов. Если правильно взяться за дело...

— Так ты задумал какое-то новое дело? Какое же? — не отставала супруга.

— Лечить людей — вот моё дело. И лечить качественно. Успокойся, зайка, я пока ничего еще не решил. Но кое-какие мыслишки появились...

Интересные. Вполне возможно, скоро всё у нас с тобой изменится. Только бы получилось...

— Ну вот, а говоришь, что ничего не задумал... — произнесла жена, поворачиваясь на другой бок. — Конечно, со мной поговорить у тебя времени нет...

— Спи, зайныка, — прошептал Андрей. — Всё узнаешь в своё время. Это тот самый редчайший случай, когда не мы выбираем себе книгу, а она — нас...

Жена вскоре засопела. Орлов улыбнулся, с нежностью подумав о ней. Ему, конечно же, опять не спалось: мысли кружили в голове мощным водоворотом. Одни вспыхивали яркими искрами, но тут же потухали, другие гасли, столкнувшись с такими же ночными странницами, а третьи росли, крепили и множились, образуя чрезвычайно затейливые образы.

Нет никакой возможности заснуть! Поворочавшись с боку на бок примерно час, боясь разбудить спящую Наталью, Андрей поднялся и прошёл на кухню. Включил свет, плотно прикрыл за собой дверь. Сел на стул, задумчиво глядя на черноту летней ночи, скрывающуюся за занавесками. Прислушался. В доме царила тишина, нарушаемая только мышиною вознёй под половицами. К ней Орлов уже успел привыкнуть. В клетке, под

плотной накидкой дремал волнистый попугайчик, в честь мультяшного героя прозванный Кешей.

— Ну-с, приступим... — молодой врач, волнуясь, открыл толстенный деревянный переплет, обтянутый бурой потрескавшейся кожей, и стал осторожно перелистывать пожелтевшие от времени страницы, исписанные мелким, как бисер, но вполне разборчивым почерком. Сразу было видно, что автор делал записи не торопясь, со знанием дела, тщательно обдумывая и взвешивая каждое свое слово. Состав лекарств был явно на латыни, но сигнатуры (48), все разъяснения к ним и пометки были на немецком языке. В этом ничего странного не было. Некоторое время для понимания немецкого текста требовался словарь, затем как-то незаметно Андрей почувствовал, что может обходиться и без него.

— Да тут материала не на одну диссертацию... И не на одну статью по истории медицины, — усмехнулся Андрей. — Но можно попытаться извлечь из книги пользу и иного характера...

Настольная лампа, принесённая из комнаты и водружённая на кухонный стол, привычно очерчивала на гладкой поверхности яркий магический круг, приглашая к серьёзным раздумьям и оставляя за границей света и тени все неприятности и бытовые проблемы минувшего дня.

Иногда «оживал» и давал о себе знать старенький холодильник, сердито бормоча что-то сквозь потревоженный сон. Все больше углубляясь в чтение, Андрей необъяснимым образом ощутил, как сквозь века к нему потянулись невидимые нити из прошлого, а порой даже стал чудиться негромкий, но уверенный голос мудрого Учителя.

Уже месяц Андрей знакомился с книгой. Сначала просто из любопытства, потом профессиональный интерес с головой захлестнул его. Орлова очень скоро перестало удивлять, что он без труда читает старинный рукописный текст на немецком, да так, словно долгие годы усиленно изучал этот язык. Может быть, именно поэтому к нему пришло необъяснимое желание, почти необходимость, ежедневно читать её, в тихое ночное время, в месте, сокрытом от посторонних глаз и ушей. Сначала содержание не произвело на Андрея большого впечатления. Лечить настойками и вытяжками из лекарственных трав люди начали очень давно. А идею лечения «подобного подобным» высказывали и основатель гомеопатического (49) метода лечения немецкий врач Самуэль Ганеман, и родоначальник практического применения изопатии (50) немецкий ветеринар Вильгельм Люкс. Правда, жили они намного позже Вильгельма Пильца, но разве кто-нибудь сможет поручиться, что им не

приходилось слышать об опытах старого алхимика? Отчего-то Андрей прозвал про себя автора книги «алхимиком». Видимо, он ещё не начал относиться всерьёз к исследованиям забытого немецкого врача. Но что-то ему подсказывало, что это мнение очень скоро может перемениться...

Еще учась на медицинском факультете, Андрей узнал, что новаторские изыскания С. Ганемана (51) начались с исследования свойств иезуитского порошка, который изготавливали из коры хинного дерева, произрастающего в высокогорных районах Южной Америки. О, это была красивая история, очень похожая на легенду!

Во времена Ганемана малярия уносила около трех миллионов жизней в год. Но по воле судьбы лекарство и болезнь были разделены тысячами километров. Одно время хинин был дороже золота, и за ним охотились, словно за сокровищами. Правительства Перу и Боливии, государств, где произрастало хинное дерево, наложили «вето» на вывоз его семян за границу. Но нашлись искатели приключений, которым с риском для жизни удалось похитить семена хинного дерева и посадить их на острове Ява. Благодаря кардиналу Иоанну, члену Ордена иезуитов, хинная кора в виде порошка прославилась сначала в Испании, затем в Италии, а вскоре и во всей Европе. Очень скоро хинна стала

применяться и в других формах — мацерированной в вине или спирте, а затем уже — в виде пилюль.

Так вот, изучая действие хинина на организм здорового человека, Ганеман обнаружил, что прием этого лекарства вызывал появление лихорадочного состояния, характерного для малярии, что побудило его произвести схожие опыты и с другими фармакологическими средствами. Данные наблюдения подтолкнули к применению «закона подобия», ставшего основным кредо гомеопатов: «подобное лечить подобным».

Второй исследователь, Вильгельм Люкс (52) использовал в качестве исходных компонентов для приготовления своих лекарств: мочу, слюну, пот, кожные выделения, кровь из варикозных язв, взятые от больного человека... Препаратом из слез больного, ему удавалось добиться полного излечения при тяжелых воспалениях и изъязвлениях глаз. При помощи бронхиальной слизи (мокроты) он успешно лечил хронические бронхиты, а глоточной слизью — отиты...

Андрей приоткрыл дверь в коридор и прислушался. Жена мирно спала. Вернулся на кухню, открыл пошире форточку, закурил... Эти ночные бдения уже стали, каким-то «наркотиком». Если ночью не посидишь хотя бы часок над книгой, не поразмыслишь над написанным, то кажется, что ночь прошла даром. Да и не только ночь... Весь

следующий день проносится без пользы и толку. Андрей покосился на важно «развалившийся» на столе фолиант... А в нём-то есть толк? Кажется, что-то определённо есть...

Итак, надо ещё раз всё обдумать. Он сел за стол.

Все коллеги Андрея относились к этим, почти забытым теориям весьма скептически, да и сам он, обладая практическим складом ума, прежде не проявлял к таким «пещерным» методикам лечения ни малейшего интереса. Иное дело — перспективы новейших компьютерных технологий или расшифровки человеческого генома... Но все же подсознание молодого доктора шептало: «Овчинка» стоит выделки! В этой невзрачной породе много золотых самородков, только их нужно суметь извлечь!»

Ганеман и Люкс верили, что существует некая духовная жизненная сила, поддерживающая здоровье человека; а болезни вызываются исключительно расстройством потоков этой жизненной силы. Они пропагандировали лечение препаратами в сверхмалых дозах, но никогда не экспериментировали над чистой энергией, и даже не пытались выделить «факторы» патологических состояний, тем более, самой смерти, как это сделали доктора Пильц и Майбах.

Андрею оставалось признать, что, несмотря на схожесть многих суждений, «старый алхимик» ушел в своих изысканиях намного дальше. Его опыты были смелее, а помыслы дерзновеннее: прежде никто не осмеливался победить силы зла его же оружием: все предшественники профессора Пильца пытались, как правило, заискивать перед ними и просить их покровительства. Но таинственное предупреждение Учителя: «я никогда не открою свое страшное знание ученикам и потомкам, дабы никто не смог воспользоваться им во вред роду человеческому», свидетельствовали о том, что он сумел достичь того, к чему стремился. Как же узнать: не выдавал ли Иоганн Майбах, ученик Вильгельма Пильца желаемое за действительное? Что в его утверждениях является правдой, что — вымыслом? А вдруг измышления старого врача имеют в своей основе подлинные достижения, способные перевернуть современные представления о природе болезней и принципах их лечения? Над этим стоило хорошенько подумать, а еще лучше — поставить серию опытов...

Андрей взглянул на часы. Половина второго. В стекло бьются ночные бабочки, комары с противным пискom кружат над головой. Не дай бог, проснётся Наташа, не миновать неприятного разговора. Действительно, он совсем помешался на этой книге... Включил чайник. Чашечка чая — и в

постель, решил молодой человек. До утра ещё вполне можно выспаться. А там... вновь суета, беготня, работа... Днём не поразмышляешь над необыкновенными идеями, порождаемыми в мозгу вкрадчивым голосом далёкого немецкого коллеги... А ночью так хорошо думается!

...Конечно, подобные исследования проводились исстари, и существует множество сведений о них. Например, еще в 19 веке были описаны интересные эксперименты, в результате которых водоросли погибали в сосуде с водой, в котором некоторое время находилась пластина из меди, даже после повторных промываний этого сосуда, когда уже никакими химическими реакциями следы меди не обнаруживались. Действительно, как бы непросто было в это поверить, но современная квантовая физика подтвердила, что при высоких разведениях гомеопатических препаратов в них уже не присутствует ни одной молекулы грубого вещества, а остается одна лишь чистая Энергия, высвобождаемая при активном встряхивании или растирании сырья!

Сегодня ни для кого не секрет, что многие сильнодействующие вещества, которые в рекомендуемых концентрациях сужают кровеносные сосуды, в минимальных дозах — расширяют их. Установлено, что даже тканевые

токсины, которые считаются непосредственной причиной болезни, при введении их в организм в сверхмалых дозах превращаются в средство стимуляции иммунитета и механизмов выздоровления.

В современной медицинской литературе Андрею встречались и методики лечения псориаза при помощи лекарств, приготовленных из растертых кожных чешуек самого больного, а эпилепсии и рассеянного склероза — препаратами из собственной крови пациента.

«Вы все считаете, что жизненная сила — это чушь? — мысленно обращался Андрей к своим оппонентам. — Тогда — докажите мне это: создайте хоть раз живое из неживого... Природа жизни не настолько примитивна, чтобы ее можно было объяснить только лишь с помощью физики и химии. Есть в ней что-то... самое главное — то, что мы, пока, не в силах потрогать и даже объяснить... А как это «что-то» называть: «душой», «жизненной силой», «тонусом» или «энергией» — дело десятое!

Любой из вас, — продолжал свой «доклад» Андрей, — может проделать простейший опыт: если над стаканом воды тридцать раз прочитать молитву, то она приобретает совершенно иные свойства и начинает лечить, а если произнести проклятья — то становится причиной болезни или ухудшения самочувствия... Пора бы всем понять,

что современная наука уже не входит в противоречие с религиозным восприятием мира, а древние храмы и книги, которыми мы не перестаем восхищаться, сошествие Благодатного Огня на Пасху, феномен нетленности тела ламы Итигэлова, мироточащие и исцеляющие иконы, появились не на пустом месте и имеют важнейшую духовную первооснову. Мы можем в это не верить, но, как говорится, «поезд будет ехать и без последнего вагона»...

Андрей допил чай и захлопнул старинную книгу. Пора спать. Его ноздри защекотали частички мельчайшей трехвековой пыли. Он потер указательным пальцем переносицу, чтобы не чихнуть и не разбудить свою супругу. «Мне выпал редкий шанс и глупо им не воспользоваться, — подумал он. — «Двигать» науку — это, конечно, здорово, но и о себе забывать не стоит. Давно пора выкарабкиваться из нищеты и начинать новую красивую жизнь. Удача — как прекрасная, но пугливая бабочка, она не каждому садится на голову. Я достоин большего и она выбрала меня не случайно! Уж я-то сумею правильно распорядиться таким подарком судьбы. Завтра, нет, уже сегодня я обязательно придумаю, какую выгоду можно извлечь из этого фолианта...»

Через приоткрытую форточку ночь свежим и легким вздохом тронула неплотно задернутые

шторы... А на фоне темного окна бледная тень Иоганна Майбаха пристально смотрела на Андрея, укоризненно покачивая головой, обрамленной длинными седыми прядями волос, и беззвучно шевеля тонкими губами...

Впрочем, возможно, это был уже сон...

Глава 10. Добрый доктор Айболит

Хороша и по-своему неповторима калининградская осень! Затяжная, с дождями и солнцем, порой, она перерастает в весну, минуя зиму. Нет, зима, конечно, приходит, иногда даже с сильными морозами и обильными снегопадами. Но это бывает довольно редко. Вот в 70-е годы прошлого века, это — да. Бывало такое... Но чаще — нудные дожди, немного мокрого снежка и кратковременные слабые морозы...

Эта осень мало чем отличалась от всех предыдущих: то есть, не спешила переходить в зиму. И, как следствие, — вспышка острых респираторных заболеваний. Работы врачам прибавилось. А Андрей Орлов, благодаря своей квартирной хозяйке, стал очень востребован не только среди простуженных горожан, но и среди пенсионеров, у которых, как известно, букет разного рода заболеваний бывает гораздо «роскошнее».

Весьма общительная Лариса Владимировна, после чудесного исцеления, которое ей обеспечил медик-квартирант, в короткие сроки организовала молодому врачу широкую клиентуру среди людей пожилого возраста.

— Что вы, Лариса Владимировна! — пробовал отказаться Андрей. — Я же не семейный врач! У меня своя работа в клинике!..

— И сколько ты получаешь в своей клинике? — язвительно интересовалась дама с украинскими корнями. — Стыдно признаться? Так вот, возьми подработку. Все подрабатывают. Помогай людям, принимай подношения. Ничего зазорного в этом нет. Ты людям здоровье возвращаешь, а пациенты за это — благодарят тебя денежкой...

— Я не могу принимать деньги от больных людей. Я должен бескорыстно помогать людям! Таково моё кредо.

— Это в рабочее время, — логично парировала бойкая старушка. — А в своё личное — можно! — и уже в комнату: — Наташенька, ничего, если я твоего мужа работой дополнительной обеспечу? Часик-другой в день, а прибавка будет солидной! А там, найдёте старичка больного да одинокого, за которым никто не присматривает, глядишь, он вам в благодарность квартиру завещает. Так многие делают, я знаю...

Наташа, уставшая после смены, не нашла слов для возражений. Так и начался новый период в жизни Андрея. После работы он успевал сбегать по двум-трём адресам, проведать больных стариков. Вскоре убедился, что его визиты приносят, кроме дополнительного дохода, несомненную пользу больным. Само собой, возникло и чувство гордости за себя.

Однажды, сидя вечером у постели пожилой женщины, в прошлом — педагога, он с сомнением теребил в руках невзрачную бумажку — рецепт своего коллеги, выписанный накануне. Вроде бы, всё назначено правильно, но те лекарства, которые были указаны в рецепте, во-первых, были совсем недёшевы, а во-вторых, небезопасны по своему химическому составу для «возрастного» организма. Тут надо бы что-то... менее токсичное — гомеопатическое, подумалось Андрею, и в ту же минуту гениальная мысль буквально прожгла его! Есть такое снадобье! Старина Майбах позаботился! Он отложил рецепт в сторону...

— Вот что, Вероника Петровна. Вы пока не принимайте эти таблетки. — Старушка понимающе кивнула головой. — Они выписаны правильно, но довольно дефицитные...

— Да уж, сейчас с лекарствами трудно, — согласилась бывшая учительница. — Вот раньше в

аптеках всё было... И, в основном, наше, отечественное...

— Я вам лично принесу лекарство. И подробно расскажу, как им пользоваться. Если будете поступать строго в соответствии с моими советами, ваш недуг скоро пройдёт...

Дома он заглянул в книгу, выписал необходимые компоненты и подумал: «Ай да Майбах, ай да сукин сын! А ведь я начинаю лечить по его принципу... То есть, метод, конечно, не совсем его, в основе лежит учение Пильца, но до совершенства-то довел его все-таки Иоганн Майбах!»

Жена сразу заметила, что муж в хорошем настроении.

— Я думала, ты едва на ногах держишься от усталости, а нет, выглядишь молодцом! Неужто старушки вдохновили? — Наташа улыбалась. — Ужинать будешь?

— А что у нас на ужин? — Андрей сгрёб супругу в охапку и прижал к себе. Та аж взвизгнула от неожиданности. — Можно, я съем тебя?

На другой день Андрей передал Веронике Петровне лекарство и подробную инструкцию. При этом наказал:

— Строго придерживайтесь этих рекомендаций, иначе средство не поможет. Если что, звоните. Я зайду к вам денька через два.

Вслед за этим случаем последовал второй, затем третий. Молодой врач на каждую болезнь отыскивал в книге нетрадиционный способ лечения: и вроде бы он прост, и далеко не нов, однако в каждом случае всегда находились весьма важные указания, которых Орлов не смог бы найти ни в одном справочнике, и которые являлись неотъемлемой частью лечения «по-майбаховски»...

После очередного счастливого исцеления «проблемного» больного, Андрей припал губами к старинному фолианту и с благодарностью прошептал:

— Спасибо, Учитель!

И книга ответила ему странным гулом в ушах и покалыванием в кончиках пальцев.

Именно этой осенью Андрей почувствовал произошедшую в себе перемену. «Я действительно нужен людям, — думал он. — Вот этими руками давно почивший, старый немецкий врач, приносит пользу моим современникам. Точнее, мы вместе с ним приносим... Выходит, что я — являюсь продолжателем его дела и его учеником! И это — прекрасно!»

Андрей стал более энергичен, более уверен в себе, он научился быстро и безошибочно ставить

сложные диагнозы. Сомнения, ранее частенько досаждавшие ему, теперь полностью исчезли. В клинике он стал курировать больных чуть ли не в два раза больше, чем прежде. И ни разу не ошибся в определении методов лечения. Только заведующий отделением, Сан Саныч начал с подозрением поглядывать на молодого, ретивого доктора. Наверное, заподозрил мздоимство или халтуру?... Возможно, просто завидовал...

К началу зимы имя доктора Орлова стало популярным в округе. Старики, почувствовав недомогание, тут же говорили: «Надо нашему Андрюше показаться»...

Часто Орлов слышал примерно такие слова:

— Очень приятно с вами общаться, Андрей Валерьевич. А придёшь, бывало, в нашу поликлинику, а там на тебя смотрят, как на чёрта из табакерки... откуда, мол, взялся? Иди домой, подымай спокойно, не мешай людям работать... А вы так внимательны, и сразу видно, что дело своё хорошо знаете...

Среди людей молодого и среднего возраста у Андрея тоже появились «свои» пациенты. Разве откажешь, если звонят: «Мне ваш телефон дала подруга. Отзывается о вас очень хорошо... А у нас проблема, мы уж ходили к врачам, да всё без толку...» И Андрей выкраивал часок времени из своего «напряжённого графика», и мчался на

помощь. Диагнозы он ставил безошибочно, не было трудностей и с назначением лекарств. Но всё равно заглядывал в старую книгу, пытаясь найти другой путь лечения. И, как ни странно, находил. Применял методику немецкого врача в современных условиях, и обнаруживал, что она великолепно работает!

«А ведь ты, старина Майбах, писал, что никому не доверишь свои тайны... И всё же чуточку приоткрыл завесу... А мне этого хватило. Хочешь ты того или нет, но я стал твоим учеником. И пойду дальше! В твоей книге много интересного даже для нас, живущих в двадцать первом веке. Правда, то, о чём ты только смутно догадывался, мы уже давно знаем... А то, что ты хотел, но не смог сделать, я без особого труда могу воплотить в жизнь самостоятельно».

Порой ему казалось, что старик его слышит и даже пытается что-то ответить. Сообщить нечто важное... Однажды, взглянув в старое зеркало, висящее в прихожей, он заметил в нём... нет, не своё отражение, а чужое бледное лицо, которое внимательно смотрело на него. Андрей в ужасе отшатнулся. Лицо исчезло, но страх остался. «Нервы, Андрюша, много работы, постоянная беготня, общение с больными...» — успокаивала жена. Он это понимал. Но слишком явным было то

видение. Пожалуй, при случае Андрей мог бы даже узнать этот лик...

Не сказать, чтобы очень внушительно, но доходы семьи Орловых все-таки выросли. Андрею удалось даже купить с рук старенький «Опель». На машине объезжать «клиентуру» стало намного удобнее и быстрее. В один вечер он мог проведать больных на Ленинском проспекте, на Сельме и в Балтийском районе. На все это у него теперь уходило не больше двух-трех часов. Словом, быстро росла популярность молодого врача в народе. Но не всех это устраивало... Как-то раз Сан Саныч вызвал Андрея к себе в кабинет.

— Ты что же, Орлов, занялся частной практикой? И каково? Выгодное дело? — сквозь толстые стёкла очков на врача был направлен строгий, укоряющий взгляд. — По работе в клинике у меня к тебе претензий нет. Работаешь ты толково, тут ничего худого не скажу... Что же тебя заставляет подрабатывать на стороне? Мало получаешь? Так мы все не богачи. Нехорошо, Андрей Валерьевич.

— Обращаются за помощью, Сан Саныч. Не могу отказать, — оправдывался Андрей.

— Понимаю. Только не с того ты начинаешь свою трудовую деятельность, не с того. Если уж мне докладывают о твоих... похождениях, то, что будем делать, если слухи дойдут до Управления

здоровоохранением. Нехорошо получается, некрасиво... И последнее: у нас по итогам года предусмотрена премия. Но тебя я теперь вынужден её лишить. Пойми меня правильно, но есть такие понятия, как «человеческая порядочность» и «профессиональная этика»!

Выходя из кабинета заведующего отделением, Андрей не сдержался и произнёс еле слышно: «Вот сволочь!» С одной стороны, подработка в осенний период всё-таки принесла ему определенный доход, превышающий возможную премию в несколько раз, а с другой... Молодой специалист, грамотный и работающий, вынужден крутиться, чтобы обеспечить себя и свою семью... К тому же, приходится снимать жильё, без малейшей надежды получить хоть какую-то квартирку, пусть даже у чёрта на куличках.

Сев в машину, Андрей Орлов завёл двигатель и подумал: «Я приношу людям пользу. Но значит ли это, что я полностью реализовал себя как личность?»

Как ни странно, ему показалось, что ответ на свой вопрос он найдёт в книге.

Той самой.

Глава 11. Первые опыты — первые успехи

Жизнь продолжала идти своим чередом. В Калининград ворвалась весна. Стряхнув с себя остатки зимней хандры, город встретил её разноголосым птичьим пением, буйным цветением нарциссов и тюльпанов. Улицы наполнились новыми звуками — высокими, чистыми и ясными. Даже трамваи звенели по-особому весело, будто обменивались приветствиями, совершая крутые повороты у площади Победы. А в сердце каждого человека Весна нашла и заставила зазвучать потаенные струны, наполняя души людей новой, радостной мелодией.

Андрей продолжал заниматься частной практикой. Он чувствовал, что эта деятельность ему подходит больше, нежели работа в клинике. В стационаре он как бы «отбывает повинность», это безрадостно и неинтересно, а вот работа «на дому» у больных стариков, приносит ему огромное душевное удовлетворение.

— Когда вы приходите, Андрей Валерьевич, мне кажется, что дом посетило само Добро! — с улыбкой говорила ему пожилая дама Людмила Сергеевна, большую часть жизни проработавшая на заводе «Янтарь». Процесс её лечения уже подходил к концу, и успех от него был налицо. Здесь молодой врач столкнулся действительно с непростым

случаем. Его предшественник — участковый терапевт поставил неверный диагноз, приняв интенсивные, но не типичные боли при стенокардии за проявления холецистита, и, не вмешайся в «процесс выздоровления» Андрей, назначенное «лечение» могло привести больную к печальному исходу. О чём Орлов деликатно заметил:

— Я сразу почувствовал что-то странное... Будь у вас та болезнь, которую заподозрил мой коллега, вы бы давно пошли на поправку... А ваше состояние лишь ухудшилось... К сожалению, так иногда случается, но я исправлю эту оплошность.

— Сам Бог послал мне вас, — всхлипнула пожилая женщина. — Спасибо моей подруге, которую вы тоже поставили на ноги, это она дала мне ваш телефон. Вы знаете, хотя и муж, и дети давно заждались меня на том свете, а умирать всё равно не хочется... Надеюсь еще порадоваться солнцу, весне, зелёным листочкам, птичьему пению...

— Ну и живите! Незачем торопить то, что приходит к каждому в свой срок, — ответил Андрей.

Убедившись, что больная чувствует себя гораздо лучше, но в её доме царит какое-то запустение, неухоженность, препятствующая нормальному образу жизни, он спросил:

— Вы что же, совсем одиноки? О вас, как я погляжу, даже позаботиться некому.

Вскоре выяснилось, что есть, кому заботиться, но это — подруги молодости, иногда заходящие в гости, и ещё реже — престарелая соседка...

— Наняли бы кого-нибудь в помощь. Сейчас многие так делают. Завещают им, допустим, свою квартиру...

— Страшно, Андрей Валерьевич, слишком много аферистов... Завещаешь им свои метры, а потом они тебя на кладбище и спровадят. И никто разбираться не будет... Нет, тут нужен проверенный человек... Вот, например, вы... — у Андрея все внутри задрожало от нетерпения, — вы же тоже, если не ошибаюсь, бесквартирный?

— Да, Людмила Сергеевна. И даже не знаю, как мне поступить: честно на квартиру не заработаешь, а с ипотекой связываться опасно — меня уже раз обманули... Наверное, уеду куда-нибудь из большого города...

К этому времени Андрей Орлов уже всерьёз занялся поисками стариков, которые могли бы завещать ему свое жилье. Наталья на некоторое время могла бы стать сиделкой, бросив работу в магазине (она работала в торговом центре «Тысяча мелочей»). Ну и что? Ничего, продержались бы. Надо что-то делать, не век же снимать углы и

комнаты! И вот, наконец, представился реальный случай. Сдерживая радость в голосе, Андрей поблагодарил женщину за доверие и пообещал поговорить с женой и подумать над ее предложением.

— Если она согласится, то мы с вами созвонимся. Не забывайте принимать лекарство, Людмила Сергеевна.

— Спасибо, сынок, — расчувствовалась старушка.

В старинную немецкую книгу Андрей заглядывал постоянно. Перелистывал страницы, вчитывался, не спеша возвращался к прочитанному, но неуклонно продвигался вперед. Он отметил, что в своей практике всё чаще применяет принцип лечения «подобного подобным». О том, как изготовить это «подобное», в книге указывалось сразу несколько способов. Имея под рукой исходный материал и нехитрое оборудование, молодой врач быстро и качественно готовил лекарства от разных заболеваний. Но ему не терпелось почерпнуть именно «потаённые» знания, о чем неоднократно намекалось в рукописи. Те знания, которые открыли бы путь к недостижимым сверкающим вершинам, к такому желанному пьедесталу. Напрямую автор труда о своем секрете не говорил, но если внимательно вчитаться, то

человеку с высшим медицинским образованием не составляло особого труда догадаться о том, что в тексте либо завуалировано, или упоминается вскользь, либо просто умалчивается.

Иногда он спрашивал себя, а чего в книге больше: медицины или философии? Старик Майбах очень любил рассуждать о целесообразности применения тех или иных препаратов и способов лечения. В своих размышлениях он уходил весьма далеко — от тела к душе и обратно — от души к телу, причём, путь этот был достаточно замысловат. И, хотя Андрей в основном, понимал смысл текста, ему частенько приходилось «поломать голову», поскольку старинный эпистолярный жанр, в котором была написана книга, сильно отличался от современного письма.

В ту субботу Андрей проснулся поздно. С удовлетворением подумал, что важных и неотложных дел на сегодня нет. В клинике у него выходной, поход к пациентам на этот день тоже не был запланирован. Андрей даже удивился: неужели придётся бездельничать?

Наталья с утра ушла на работу. Тонкий аромат её духов ещё витал в комнате. В окно с солнечной улыбкой заглядывал свежий апрельский день. Птахи резвились среди ветвей деревьев, спешащих опериться молодой зеленью. Птичье пение звучало

так радостно и так заразительно, что Андрей не сдержал улыбки. Попугай Кеша своим чириканьем давал понять, что он присоединяется к пернатому хору и также от всей души приветствует весну.

Молодой человек погромыхал на кухне кастрюльками и... то ли позавтракал, то ли пообедал, после чего сел за чтение рукописи. Весь день он переводил рецепт за рецептом, делал пометки и выписки, и, порой, в голос хохотал над необычными названиями разных «экзотических» недугов. И пора бы уже к ним привыкнуть, но каждый раз они вызывали если не смех, то улыбку. А в этот день смех просто невозможно было сдержать. Ведь звучали они примерно так: «от плешивости», «от кривизны и худобы ног», «от чревоугодия» (О, к этому следует вернуться — доходное дело! — отмечал про себя Андрей)...

Ближе к вечеру в дверь позвонил сосед Василий Марчук. Отличный мужик и почти друг: ранее Андрей частенько ездил с ним на рыбалку и по грибы, он-то и посоветовал Орлову снять жильё в этом доме. И сейчас первое, что пришло в голову врача: а не надумал ли сосед пригласить его проветриться на Куршский залив?... Но Василий был непривычно грустен и бледен.

— Зубы... — мученически простонал он, показывая на припухшую щеку, — всю ночь не

спал. Дай что-нибудь обезболивающего. Все мои запасы уже закончились...

Андрей порылся в аптечке и вручил соседу конвалюту анальгина. Марчук глубоко вздохнул и ушёл восвояси.

— А не подыскать ли для приятеля что-нибудь подходящее из старинных рецептов? — осенило Андрея, и он принялся листать антикварную книгу. «От замерзания в ледяной воде», «от пустынной жажды и высыхания», «для зачатия наследника мужского пола»... Не то, не то... Вот! Нашел: «для успокоения болей в зубах и костях»...

Почти все необходимое для изготовления этого снадобья нашлось тут же на кухне: яичная скорлупа, которую пришлось вручную растереть до пылевидного состояния, лимонный сок и прополис («взять пчелиный клей-узу» — было сказано в книге).

— Я понял вас, Учитель, — улыбнулся Андрей, — скорлупа — это кальций, строительный материал, а прополис — для обезболивающего и противовоспалительного эффекта...

«Перед приемом и после него не пить красного вина и не есть мяса», — гласила инструкция, — «Действует от заката до рассвета».

— Вот и славно, — отметил для себя Андрей, посмотрев в окно на склоняющееся к горизонту светило, и поспешил к своему соседу.

Василий жил в этом же доме, только этажом выше. Поднимаясь по крутым ступеням, Орлов вдыхал ароматы готовящейся в доме пищи. А где-то звучала музыка, кто-то из соседей был без ума от Джо Дассена.

— Ну, что? Все еще маешься? — сочувственно осведомился он у Василия.

— И не спрашивай: хоть на стену лезь!

— А ты случайно вина сегодня не пил и мяса не ел? — спросил он больного.

— Да ты что, издеваешься? Я уже сутки ничего не ем и не пью! Еще ты пристаешь со своими глупыми вопросами!

— Тогда прими вот это, — и Андрей протянул ему порошок, завернутый в конфетный фантик.

Сосед вытряхнул его содержимое в перекошенный рот.

— Кисленькое... Что это было?

— Народная медицина, натуральный продукт, сам приготовил. Не беспокойся — хуже не станет, — и присел на табуретку. — Чаем угостишь?

— А хуже и не бывает... — сосед засуетился, вынимая из буфета печенье и другие сладости. Постепенно он перестал вздыхать и охать, а

страдальческое выражение стало сходить с его небритого лица. Взгляд прояснился! Наливая кипяток в чашку Андрея, он несколько раз, словно проверяя на мягкость буханку хлеба, ткнут указательным пальцем в щеку, и вдруг в полной растерянности заявил:

— Прошла... Боль прошла! — и с удивлением уставился на своего спасителя. — Андрюха, ты — просто волшебник!

— Значит так, Василий, ты сейчас ложись спать, а с утра пораньше дуй в дежурную стоматологию... Смотри, мяса не ешь! — сказал Орлов своему соседу на прощанье и ушел.

— Неужели все это — от мяса? — растерянно произнёс вслед ему обалдевший Василий...

Спустившись вниз, воодушевленный таким успехом Андрей решил продолжить работу с книгой.

Вот-вот должна придти с работы жена, он поставил на плиту кастрюлю с водой, собираясь попотчевать её пельменями. Сам сел за стол, достал заветный фолиант.

Мимоходом просматривая сигнатуры лекарств, Андрей недовольно бурчал:

— ...Яд змеи, чернила каракатицы... Где же я их достану?... Мышьяк, ртуть, опиум, дурман... Нет, не подходит, опасно... Сангвинария, подофиллум, фитолякка... Ужас! Я даже названий

таких не слышал... А что, если попробовать вот это? — Андрей заёрзал на жестком табурете и с интересом углубился в чтение. — Купрум металликум — это медь, натрум муриатикум — морская соль и крылышки мухи... Что же — ингредиенты не столь экзотические в отличие от странного названия: «Будь быстрее всех!». Прямо какой-то олимпийский девиз, — пошутил он. — Не знаю действия первых двух компонентов, но муха в рецепт старого Учителя попала, видимо, благодаря ее молниеносной реакции, исключительной скорости и маневренности...» — размышлял Андрей.

Пришла Наталья. За ужином они обсудили вопрос её ухода с работы. На днях с Людмилой Сергеевной был заключён договор о найме помощника по хозяйству. Взамен она завещала семье Орловых свою однокомнатную квартиру. Наталье надо было увольняться из магазина и приступать к выполнению новых обязанностей.

К книге Андрей вернулся уже ночью.

— Читаем дальше, — шептал он еле слышно, — «...готовить, как и прочие... отмерять на кончике ножа... принимать, попав в опасность (возможно, оно как-то взаимодействует с адреналином?)... теряет силу от первого глотка холодной воды...» Отлично! Сейчас и состряпаю:

медная проволока у меня в кладовке, а морская соль на полочке в ванной...

Глубокой ночью порошок «Будь быстрее всех!» был готов: потенцирован, отмерен и упакован в вощеную бумажку. Ложась спать, Андрей попытался решить, на ком бы его испытать. Но, ничего не придумав, заснул.

С того дня прошла неделя.

Наталья уволилась с работы и большую часть времени проводила дома. Два раза в день она отправлялась на улицу Павлика Морозова, в дом, где поживала Людмила Сергеевна. Она делала в квартире пожилой женщины уборку, ходила в магазин и аптеку. А еду себе ветеран труда готовила сама. Вот и сегодня, все попытки Натальи взяться застряпню, были пресечены:

— Оставь, Наташенька! Для меня супчик сварить — хоть какое-то развлечение, — говорила старушка. — А то ты, Наташа, буквально всё за меня хочешь делать. Ступай-ка лучше домой. Спасибо тебе.

— Андрей велел проконтролировать, как вы принимаете лекарства, — улыбнулась та.

— Уж за это не беспокойтесь!

— Погулять не забудьте, — уходя, напомнила Наталья.

Ей не совсем нравилось сегодняшнее положение дел: прежней работы она лишилась,

стало быть, и зарплаты тоже... Но, договор заключён, завещание написано. Остаётся ждать чьей-то смерти... Ох, тяжело это... А что прикажете делать? Глядишь, годика через два-три и решится данный вопрос... тьфу-тьфу-тьфу, грех так думать... Но, в чём грех-то? Старые люди умирают, а молодые дают жизнь другим. Будь у них с Андреем своя квартира, она бы родила ему сына или дочку... От этих мыслей закружилась голова...

Выйдя из подъезда, Наталья обнаружила, что погода окончательно испортилась: небо затянули тучи, крупные капли дождя всюду «хозяйничали» в округе, не давая людям свободно прогуливаться по улице. А ведь еще совсем недавно ничто не предвещало дождя. Так ласково светило солнышко! Зонтик, конечно, был оставлен дома. Растерянно оглянувшись по сторонам, она вдруг заметила подъезжающий к дому знакомый «Опель».

— Как хорошо, что ты догадался меня встретить, Андрей! — обрадовано сказала она мужу, садясь в машину.

— Так получилось... Звонила Марина, приглашала к себе. Вот я и решил: встречу тебя, и вместе отправимся к ней. Как там наша пациентка?

— Людмила Сергеевна чувствует себя нормально... Даже не знаю, хорошо это или плохо?... — вздохнула Наталья. — С одной

стороны — радуешься, что человеку стало лучше, а с другой — какой-то камень на душе...

— Ничего, пусть живёт наша старушка. А я постараюсь ещё кого-нибудь отыскать... Мы же решили, что это самый верный способ законно получить жильё...

От улицы Павлика Морозова до Киевской ехать всего ничего. Серые дома, серое небо, серая брусчатка с трамвайными путями, оставшимися ещё после немцев, действовали отнюдь не угнетающе, а скорее — успокаивающе. К тому же, автомагнитола «выдавала» вполне приличную музыку. В машине было тепло и уютно.

— Что хотела Марина?

Марина была старшей сестрой Натальи. Она недавно развелась с мужем и теперь одна воспитывала сына — двенадцатилетнего Димку, приветливого и трудолюбивого парня, способного в учёбе и спорте.

— Завтра у Димки очень ответственное соревнование. Сестрица немного нервничает, да и спортсмен наш тоже. Просила заехать, поговорить с ним, приободрить немного...

— Ну, а я уж испугалась, не случилось ли чего...

На следующий день, в воскресенье состоялась заключительная часть международного турнира по

восточным единоборствам среди детей и подростков. Участвовали в нём спортсмены из Франции, Германии, Литвы, Польши, России, Казахстана... Проходили соревнования во Дворце спорта «Юность», построенном на берегу Прегеля в конце 70-х годов прошлого века, и являющимся центром как спортивных, так и культурных мероприятий. Любая, приезжающая в Калининград знаменитость, считала за счастье дать концерт непременно во Дворце спорта, собирая на свои выступления множество калининградцев.

Андрей с Натальей были приглашены на это зрелище лично участником международного турнира, племянником Димкой, который вот уже три года успешно занимался каратэ, готовясь в ближайшее время стать вторым «Чаком Норрисом». Орловы с радостью согласились «поболеть» за него в финале соревнований.

Ради справедливости надо сказать, что это приглашение Андрей воспринял, как очередной «знак сверху». У него было готово снадобье, изготовленное по старинному рецепту, взятому из таинственного фолианта. «Будь быстрее всех» — таково было название препарата, и его действенность необходимо было проверить. А какой наилучший способ его испытания, если не в единоборстве?

— Там и апробирую, — решил Андрей, — а вреда ребенку от этого никакого не будет: все составные части абсолютно безопасны.

Дворец спорта был полон народа, и в его округе с трудом отыскалось место для парковки. Соревнования уже начались. Сразу на двух татами шли жаркие поединки. Вначале выступали совсем юные спортсмены, и Орлов не упустил возможность пройти в раздевалку и подбодрить своего племянника непосредственно перед боем.

Пожелав ему победы, Андрей приступил к реализации своей идеи:

— Вот, прими витаминку... — посоветовал он, вручая заветный порошок, — только обязательно, прямо здесь и сейчас... она — сил прибавляет... Не робей, дружок, мы в тебя верим, — похлопал он Димку по плечу и пошел на свое зрительское место.

Минут через двадцать, объявили финальный поединок: «Дмитрий Веряскин (Россия) — Курт Хенге (Германия)». Дмитрий вышел в полной защитной экипировке, отчего выражение его лица было скрыто решеткой шлема. В первые секунды схватки ничего странного в его поведении не было. Обычная «разведка» противника: мальчишки делали обманные выпады и в полсилы обменивались «дежурными» ударами. Но вот немецкий парень пошел в атаку: после серии ударов

он провел красивый бросок, болевым приемом удачно захватил кисть Димки и попытался совершить его удержание. Андрею и всем болельщикам в огромном зале уже казалось, что бой проигран, когда случилось что-то необычное. Никто не понял, как это произошло, но российский спортсмен вдруг оказался на ногах и уже во всю мутузил немецкого парнишку. Он бил его без остановки: хлестко и сильно, в голову и в корпус, руками и ногами... Противник был деморализован и растерян: практически все удары достигали цели, он не успевал защищаться или уклоняться.

Трибуны взревели. Андрей вскочил со своего места и кричал вместе со всеми:

— Дима, давай! Так его! Так!

Наконец Курт Хенге упал, и судья остановил поединок досрочно...

Андрей поспешил в раздевалку. Дмитрий был явно чем-то расстроен и вовсе не выглядел чемпионом. Он стоял уже без шлема и жадно пил воду из пластиковой бутылки, а тренер, снимая щитки с его ног, в радостном возбуждении приговаривал:

— Вот молоток! Разделал немца под орех! Показал ему «Сталинград»!

— Первый раз со мной такое... — бормотал в ответ растерянный Димка, — Я даже не знаю, как вам объяснить... После того, как он меня бросил на

татами и стал проводить болевой прием, я подумал, что это — конец! Мне было ужасно обидно и стыдно, и тогда внутри что-то как будто «включилось»: все стало каким-то нечетким, звуки — протяжными, а движения людей неторопливыми и плавными... Я все видел, словно при замедленной съемке, и успевал нанести пять-шесть ударов, пока соперник лишь наклонял корпус. Я делал несколько шагов или прыжков, пока он только сгибал руку... Все прошло только тогда, когда мне дали глотнуть воды...

— Не пугайся, дорогой. Поверь: так иногда бывает в критических ситуациях, — успокоил его Андрей, а сам подумал: «Средство работает! Значит, старый Алхимик был прав!»

Настала пора подвести промежуточные итоги. Они оказались настолько ошеломляющими, что самым внятным для них объяснением являлось следующее: произошла череда удивительных случайностей! Но, так ли это? Неужели зубная боль у соседа прошла сама собой? Ведь приготовленное средство для этого и предназначалось, причем, действие каждого компонента для Андрея было ясно. А вот роль составных частей снадобья «Будь быстрее всех» оставалась абсолютно непонятной. Возможно, они воздействовали на какой-то дремавший в организме человека источник энергии, который внезапно «проснулся» и обеспечил такой

потрясающий эффект... Или это тоже произошло случайно? Открывается же иногда у спортсменов «второе дыхание»... Появляются же у женщины силы, когда она, спасая своего ребёнка, становится способна сдвинуть с места автомобиль... Но вот искусственно создать такую возможность?... Если подобные попытки и предпринимались прежде, то Орлов о них не слышал. Применение же допингов, по его мнению, лишь весьма отдаленно напоминало такой удивительный эффект...

Ясно было одно: надо проводить новые испытания... Лишь тогда можно будет говорить о какой-то системе.

А что же там дальше, в этой старинной книге? Какие ещё сюрпризы приготовил Андрею Орлову его Учитель, старый «алхимик» Майбах?

Глава 12. Ночной визит

Этой ночью Орлов, как обычно, занимался переводом и изучением старинной книги.

Кофе закончился. Чтобы побороть сонливость молодому врачу приходилось периодически вставать из-за стола, прохаживаться по кухне и делать «освежающую» разминку...

Где-то за час до рассвета в окошко кто-то тихо постучал. Сначала Андрей решил, что это ему послышалось, но странный стук повторился.

— Кто бы это мог быть? — насторожился врач.

Это было удивительно еще и потому, что из-за солидного фундамента окно дома находилось на высоте более двух метров... Одернув штору, Орлов всмотрелся в предрассветный сумрак. Сначала он никого не увидел, но, приглядевшись более внимательно, заметил стоявшего за кистями цветущей сирени человека. Седовласый старик опирался на трость и манил его рукой...

Андрею удалось рассмотреть благородные черты пожилого мужчины; они показались ему до боли знакомыми, но, не смотря на это, вспомнить старца он не мог...

Накинув на плечи легкую замшевую куртку, Орлов тихо прикрыл за собой дверь квартиры и по темной лестнице поспешил к выходу...

Когда же он распахнул подъездную дверь, в глаза ему неожиданно брызнул яркий дневной свет. Несколько мгновений Андрей стоял на пороге, не решаясь шагнуть в открывшееся перед ним пространство. Под ногами блестела на солнце умытая дождём покатая булыжная мостовая. Справа и слева стояли трехэтажные кирпичные дома, под высокими черепичными крышами, с маленькими окошками и необычными, разделенными на две горизонтальные створки входными дверями. Ближайшие строения были

соединены аркой, которую украшал барельеф в виде щита со скрещёнными мечами и рыцарским шлемом. За ней, в глубине проулка, куда проникало гораздо меньше солнечных лучей, виднелись более скромные деревянные постройки. Оттуда слышался собачий лай и доносился стук тяжёлого молота.

— Смелее, у нас мало времени, — старик подбежал к Андрею и, схватив его за руку, куда-то потащил. — Поторопись, мой юный коллега!

Говорил он по-немецки, на каком-то незнакомом наречии, однако смысл его слов необъяснимым образом мгновенно переводился в мозгу Орлова в понятные фразы.

— Что происходит? Где я? — пробормотал молодой врач, но таинственный незнакомец лишь повторял:

— Быстрее, мой друг.

Он выпустил руку Андрея, взял зажатую подмышкой трость в руку и указал ею вправо.

— Нам — туда.

Андрей решил хотя бы оглядеться. Но, обернувшись, не обнаружил ни своего подъезда, ни дома. На его месте мрачно возвышалась длинная кирпичная стена с узкими окнами-бойницами. От неожиданности Орлов тихо выругался и бросился догонять ушедшего вперёд старика. С этого момента он уже ничему не удивлялся...

А старик бодро шагал по влажной мостовой, обходя лужи и распугивая снующих под ногами голубей. Был он облачён в синий длиннополый сюртук, отчего-то расстёгнутый, в такого же цвета панталоны и белые чулки. На ногах красовались добротные башмаки с медными пряжками. Иногда странный провожатый оборачивался, доставал платок и вытирал им лоб. Его светлые глаза были слегка прищурены, а на губах играла загадочная улыбка...

— Смелее, юноша, смелее!

Дорогу им пересекла запряженная парой лошадей карета. Ее колёса рассекали лужу, разбрызгивая по сторонам грязную воду. Андрей лишь бросил короткий взгляд в сторону старинного экипажа, как вновь ощутил лёгкий толчок в плечо.

— Нам — прямо.

Они прошли мимо играющих на обочине дороги ребятишек, молодой женщины в длинном клетчатом платье и чепце, качавшей металлическим рычагом воду из колодца в большой глиняный горшок. Андрей обратил внимание, что один из мальчишек здорово смахивает на племянника Димку, а бравшая воду женщина — вылитая Наталья! Но времени на рассматривание и расспросы не было. Они продолжили движение мимо лавки, торгующей янтарными украшениями,

миновали аптеку, двери которой были широко открыты...

— К чему такая спешка? — удивлённо спросил Андрей. — Ведь за нами никто не гонится!

Старик мгновенно остановился, подошел к Орлову вплотную и крепко сжал его руку.

— Иезуиты! — прошептал он и оглянулся по сторонам. — Если тебя увидят монахи, мы пропали!

— Иезуиты?... — чуть слышно повторил Андрей.

— Они давно охотятся за мной. Очень давно... — и жестом старик велел молодому врачу держать язык за зубами. — А сейчас — вниз и налево...

С этого места открывался великолепный вид на город. Настолько захватывающий, что Орлов едва не задохнулся от нахлынувших чувств. Внизу сверкала на солнце широкая река. Вдоль её берегов стояло множество больших и малых парусных судов. И кругом — тесные ряды домов с остроконечными крышами и башенками, увенчанными шпилями, над которыми повсеместно возвышались ярко-зеленые с позолотой кроны цветущих лип. Чуть левее — густо застроенный остров, мосты на деревянных сваях... А вот и Кафедральный собор! Точь-в-точь как наш — Калининградский! Боже мой, — наконец осенило Андрея, — ведь это же — старый Кёнигсберг!

Однако старик не дал Орлову полюбоваться городскими красотами. Он вновь увлек его в узкий, довольно грязный переулок, не переставая повторять:

— Сейчас, сейчас. Надо торопиться... Уже близко.

Наконец они остановились перед фасадом кирпичного дома с довольно высоким крыльцом. И пока поднимались по ступеням, старик зорко поглядывал по сторонам. Затем он толкнул резную дверь и впустил Андрея в дом.

Внутри было заметно прохладней, чем на улице. Станный провожатый повёл молодого человека по неосвещенному коридору, затем, через узкую дверь — в подвальное помещение, куда спускалась крутая винтовая лестница.

Словно по ходу захватывающего театрального действия декорации стремительно менялись одна за другой. Внизу было светло. Горели свечи. «Довольно просторный подвал», — отметил про себя Андрей. Центральную часть помещения занимал широкий стол. Он был весь заставлен колбами, ретортами, пробирками и прочими склянками. Однако все они находились в строгом порядке. Чувствовалось, что каждому сосуду на столе — своё место и назначение.

— Будь здесь! — приказал старик. — И смотри сюда!

Только сейчас Андрей обратил внимание, что поодаль стола, возле стены стоит кровать, на которой неподвижно лежит бледный истощенный человек.

— Ты назвал меня своим учителем. И я пришел за тобой. Чтобы преподать один урок. Это — больной. У него — чахотка! Он безнадежен, но я его сейчас спасу! — фразы вылетали из уст странного врачевателя пушечными залпами. Каждое слово, словно гвоздь в доску, вколачивалось в сознание Орлова. — Вот матрица! Я её делал так... — Старик достал ступу с пестиком и показал, как он растирает её содержимое. — Потом я высыпаю всё в мешочек, — он, что говорил, то и делал своими ловкими руками. — Затем — самое главное: я помещаю его в точку, откуда исходит энергия смерти! Важно «насытить» матрицу лишь до необходимой степени. Иначе она принесёт смерть! Для данного больного мне достаточно подержать её над этим местом одну минуту!

Он склонился над пациентом и, откинув покрывало, поместил свой мешочек в ямку над левой ключицей. Другой рукой он перевернул песочные часы: время пошло. Андрей, затаив дыхание, следил за каждым движением лекаря.

— Я долгие годы искал это место! Смотри же и запоминай!

Дождавшись, когда последняя песчинка упала на дно, он убрал мешочек с заряженной матрицей.

— А теперь приступим к возрождению энергии жизни! — объявил старый врач. — Я могу водрузить смертельный состав вот сюда, — он показал место на теле больного. — Но могу приготовить и микстуру с частицами матрицы. Если больной в состоянии сам её выпить, я так и поступаю. Когда же он не может этого сделать, я прикладываю «энергию смерти» вот сюда. И здесь она будет находиться до тех пор, пока не произойдет перелом в течении болезни! Лишь только человек очнётся, как только изменится цвет его лица, он задышит ровно и глубоко, значит, «энергия жизни» проснулась!

Наверху послышался какой-то шум. Старик тотчас насторожился. Подождал минуту и, видимо, успокоился.

— Теперь ты знаешь мой секрет! Пользуйся им, но помни: были люди, которые заплатили за него своей жизнью! Не опускайся же до того, чтобы с его помощью пытаться извлечь какую-то выгоду для себя!

Андрей хотел многое уточнить, у него возник ряд важных вопросов, на которые ему захотелось немедленно получить ответ, но в этот момент в верхнюю дверь настойчиво постучали.

— Проклятие! — воскликнул старик, метнулся к кровати больного и стремительно отодвинул её от стены, часть которой закрывал деревянный щит. Убрав и его, старик наклонился к полу. Через миг открылась потайная дверь.

— Вот, — старик вынул из кармана ключ. — Беги, поднимайся по ступенькам! Этим ключом откроешь следующую дверь и выйдешь наружу... Быстрее! Не забывай, что здесь видел и слышал. Дальше врачуй сам. Будешь честно трудиться — придет и опыт...

Сверху слышались глухие удары. Орлов пролез через потайную дверь, споткнулся о ступеньки, но быстро освоился в потёмках.

— Молодой... — слышался голос старого врача. — Живи и здравствуй!

Начался нелёгкий подъём. Ступени были очень крутыми. Дверь сзади закрылась, словно отрезав остатки света. Андрей обеими руками шарил по стенам и поднимался всё выше. Что творилось в подвале, который так спешно покинул молодой врач, было не понятно. Похоже, что туда ворвались люди... Кто они? Монахи? Иезуиты?... Боже мой, подумал Андрей, а что же будет со мной?

Внезапно Орлов наткнулся на дверь, о которой предупреждал учитель. Где-то здесь должен висеть замок. Пытаясь нащупать замочную

скважину, он упёрся лбом в толстые дубовые доски. Но замка нигде не было и Андрей все сильнее давил лбом в запёртую дверь...

Очнулся Орлов у себя дома, на кухне. Голова его покоилась на кухонном столе. Лоб довольно сильно болел. И немудрено: ведь голова несколько часов подряд лежала на жёсткой поверхности. Андрей потёр руками онемевший лоб, прогоняя остатки сна и восстанавливая кровообращение. Чёрт возьми! Неужели это был сон!

Не без труда приподнявшись, он взглянул на часы. Ого, проспал целых три часа!

Но сон... Каким же он был ярким, реалистичным! Взгляд на книгу: «Ох, не доведёт тебя до добра этот фолиант», — с улыбкой подумал Андрей.

Он подошёл к окну. Утро давно вступило в свои права. Сейчас проснётся Наталья. Нельзя, чтобы она видела, что он всю ночь провёл на кухне... Хотя, она и так догадается.

Андрей вышел в коридор.

На полу, возле стула, на котором сидел Орлов, что-то лежало. Если приглядеться внимательней, то можно было различить, что этот предмет — небольшой металлический ключ. Редкий. Старинной работы.

Глава 13. Удивительное — рядом

В Калининграде много летних кафе. И они никогда не пустуют, особенно по вечерам. Намаявшиеся за день жители, с удовольствием проводят время под разноцветными зонтами за бокалом пива или сухого вина, радуясь хорошей погоде, безмятежно отдыхая и болтая ни о чём.

В этот июльский вечер Андрей Орлов тоже присел за свободный столик в уютной кафешке, расположившейся возле торгового центра «Европа». Он ждал жену. Наталья «опекала» уже трёх пожилых людей, и ей приходилось нелегко. Не все старички обладали таким же покладистым характером, как Людмила Сергеевна. Ко всем был нужен свой, индивидуальный подход, каждый нуждался в ласковом слове. А сдерживать собственные эмоции — дело немаловажное, особенно в таком щекотливом мероприятии. Все эти пенсионеры завещали свои квартиры Орловым: две «однушки» и двухкомнатную, но вот только уходить из этой жизни старики что-то не торопились.

Небо освещалось предзакатными лучами. Золотистая желтизна облаков гармонично сочеталась с уставшей за день бирюзой бесконечного неба. Андрей знал, что эта бездонная синь в любой момент может окраситься в

малиновые тона с прожилками тёмно-фиолетовых туч, так похожих на натруженные руки работающего человека.

Почти девять. Мимо прошли, высматривая свободные места, болельщики, возвращающиеся со стадиона «Балтика». Судя по хорошему настроению, калининградская команда, на сей раз, оказалась на высоте. Андрей был равнодушен к футболу, но всегда радовался победам местных спортсменов, будь то футбол, волейбол или баскетбол... Сам он приехал в Калининград четыре года назад, после окончания уральского мединститута, но уже считал «Кёниг» своим городом.

Покуривая свой любимый «KENT» и потягивая из бокала тёмное пиво, он всматривался в лица сидящих неподалёку посетителей, невольно слушал их болтовню и размышлял.

— Пожалуй, — думал он, — каждый человек должен взять за правило ежедневно размышлять. На работе и дома, в очередях и общественном транспорте. «Начните, — советовал своим воображаемым слушателям Андрей, — хотя бы с пяти-десяти минут в день: не «трещите» по мобильнику, не «доставайте» окружающих пустой болтовней, а немного помолчите и задумайтесь... Бросьте хрустеть чипсами и хохотать без повода, не шуршите пакетами, не толкайтесь кошёлками, а

хоть немного побудьте наедине со своими мыслями и чувствами... Очень плохой признак, коль таковых у вас не окажется вовсе...» Хотя... кому он это говорит? Кто его станет слушать? Эти пустые, недалёкие прожигатели жизни? Эти пузырьки, возникшие в лужах от капель дождя, и готовые тут же полопаться? Никому из них не подняться из своего убогого состояния даже до его сегодняшнего уровня, не говоря уже о том, чтобы достичь тех вершин, которые наметил для себя он, Андрей Орлов.

— Вот, ты где! — тут и Наталья подросла.

Она была молода и красива, но выглядела еще моложе. Приподнятые брови, рот с некоторым подобием улыбки, не слишком пристальный взгляд, но... который, как было известно мужу, достаточно многое замечает. «Судя по всему, — думал Андрей, — ей предстоит превращаться в пожилую женщину прямо из девочки, минуя так называемый «цветущий» средний возраст».

— Присаживайся, супруга великого эскулапа, — шутливо произнёс Андрей. — Ты, верно, проголодалась... Пиццу будешь?

— С удовольствием!

Они заказали пиццу, немного поболтали о том, что давненько не посещали кафе, а так иногда приятно посидеть и вновь почувствовать друг к другу непередаваемую словами симпатию...

Вспомнили о том, что «Опель» сломался и сейчас ожидает в автосервисе заграничные запчасти, которых на складе, увы, нет... И, конечно же, о том, что наступившие сегодня трудности, завтра окажутся лишь поводом для улыбки.

— Это даже хорошо, что ты не за рулём, — смеялась Наталья, — можешь позволить себе бокал вина!

— Да, свои «плюсы» в этом, несомненно, есть... Устала, зайка? — сочувственно взглянул он на супругу.

— А, ерунда. Нина Григорьевна немного утомила своей «стерильностью»: всё ей не так, всё не то... Ее может затошнить от запаха жареной рыбы или при виде грязных рук...

— А Петрович как?

— Тоже надоел... своей галантностью... Хочет выглядеть гусаром, старый вояка... в молодости, видать, был похлеще поручика Ржевского! — она звонко рассмеялась. — Ты-то как?

— Тоже не сидел без дела. Провёл несколько удачных опытов... — и, увидев нахмурившееся личико супруги, добавил: — Я на пороге открытия, Наташ. Настоящего.

Наталья промолчала. Затем, пригубив из бокала, заметила:

— Вечер-то сегодня какой... просто волшебный...

Андрей действительно стоял на пороге открытия. Точнее, ему казалось, что стоял... Он решил экспериментировать с неизученной энергией, с теми субстанциями, которые в книге имели названия «Энергия смерти» и «Энергия жизни». Принцип их действия при лечении «подобного подобным» был ясен: необходимо уловить «энергию смерти» соответствующей матрицей, на которой она может сохраняться в течение 9-ти дней (почему именно 9-ти, об этом сказано не было). Затем, эту энергию надо было внедрить в тело смертельно больного человека (какого количества этой «энергии», и как ее измерить — тоже сказано не было, как и не совсем понятно, на какую область человеческого тела следовало это воздействие направить в каждом конкретном случае). Энергия смерти, возбуждая неизвестные нам рецепторы, должна приводить в действие доселе дремлющую «энергию жизни», скрытую то ли в каком-то таинственном депо, то ли в окружающем нас пространстве, тем самым, заставляя организм бороться с недугом и полностью побеждать его, возрождая человека к жизни. На словах всё это выглядит красиво, — подумалось Андрею, — а вот на практике — множество сомнений и весьма противоречивых

рекомендаций. Было понятно, что автор записей что-то утаивает. Нет, тут спешить нельзя! Надо всё тщательно обдумать! Не может такого быть, чтобы Учитель не оставил ни единого шанса мыслящему человеку, проникнуть в суть его теории... Но, действуя второпях, необдуманно, можно таких дров наломать, что всё дело погибнет на корню...

Однажды ночью Андрей, по устоявшейся уже привычке, будучи не в силах отогнать от себя желание углубиться в старинную книгу, тихонько выскользнул из-под лёгкого одеяла и, сунув ноги в тапочки, отправился на кухню.

Наталья спокойно спала. Всё повторялось, как обычно: свет, дверь, кнопка чайника, чашка, заварник, стул и он, заветный фолиант. Толстая книга, лежащая на кухонном столе, была похожа на чёрную коробку, в которой хранятся не только тайны и знания, но и что-то другое: осторожные голоса, звуки клавесина, скрип лодочных уключин, старческий кашель, жар огня... и многое другое, что скрыто под широкими корками обложки, словно за массивными дверьми в волшебный замок.

Андрей приоткрыл окно, впуская в помещение лёгкую прохладу летней ночи. В мозгу назойливо крутилась фраза на латыни: *apotestatem cogitationis* (53). Но откуда она появилась, он не мог понять. В книге такая фраза не встречалась, в

этом Орлов был уверен. «Странно, подумал он, доставая с полки сахарницу, — неужели я начал думать на латинском языке?»

Настольные часы показывали четверть первого. Андрей улыбнулся. Впереди много времени. Потёр ладони от предвкушения общения с удивительной книгой.

«Апотестатем... Удивительный язык. Пожалуй, ни на каком ином и не выразишь желаемую мысль так изящно, но строго и торжественно».

Он мягко передвинул стул и сел за стол. Налил в чашку чаю. И вдруг...

За окном послышались дребезжащие звуки. Скрип колёс и цокот копыт. Было похоже на то, что какая-то телега с шумом катила глухой ночью прямо под окнами дома. Звонко стучали подковы запряженных лошадей. Свист и щелчок бича! И — громкий, хриплый крик кучера:

— *Vorsicht! Fort vom Weg!* (54)

Андрей выскочил из-за стола и рванулся к окну. Распахнул его и высунулся наружу чуть ли не по пояс...

Но ни лошадей, ни повозки он не увидел.

Тишина ночной улицы. Поникшие ветви деревьев в саду. Тускло поблёскивали припаркованные возле дома машины. И заунывное кошачье мяуканье. Город, словно спящий ребёнок,

которому приснилось что-то тревожное, беспокойно ворочался во сне.

Андрей по крупицам собирал сведения, касающиеся действия чудодейственных «энергий». К сожалению, старый Алхимик серьезно перестраховался и не оставил готовых рецептов, он лишь указал цель, намекнул, что изготовить такие средства вполне реально. Орлову предстояло в одиночку пройти весь его путь и постичь эту тайну самостоятельно.

— Ничего, ничего... Старик, конечно, хитер, только я — еще хитрее, — думал он, просматривая свои конспекты. — Сдохну, но повторю все его опыты.

При этом он подумал, что было бы неплохо покончить со своим нищенским существованием в эпоху повального обогащения, беспринципного и несправедливого... «Пусть плачут неудачники, — думал он. — Я же — не из их числа!»

Конечно, он мечтал о славе, как о достойном венце его деятельности в медицинской науке. Хотя, иногда одолевали и сомнения. «Наука это или магия? От бога или от черта такое знание? Добро или зло оно несет людям? — вихрем проносились мысли в голове Андрея. — Впрочем, какая мне разница! Главное — принцип работает. Я не собираюсь, как доктора Пильц и Майбах,